

Холодное сердце

Часть первая

Кто путешествует по Швабии, тот никогда не должен забывать хоть ненадолго заглянуть в Шварцвальд. Не из-за деревьев, хотя не всюду найдешь столь неисчислимое количество великолепных огромных елей, но из-за людей, которые поразительно отличаются от остального окружного населения. Они выше обыкновенного роста, широкоплечие, с крепкими мускулами. И причиной этому является не что иное, как укрепляющий аромат, струящийся от елей по утрам, который наградил их в юности более здоровыми легкими, ясными глазами и характером, твердым и мужественным, хотя, быть может, и более грубым, чем у жителей речных долин и равнин. Они резко отличаются от живущих не в лесу не только осанкой и ростом, но также обычаями и одеждой. Лучше всех одеваются обитатели баденского Шварцвальда. Мужчины отпускают бороды, как они растут от природы. Черные кафтаны, широчайшие, необъятные шаровары и остроконечные шляпы с широкими полями придают им некоторую своеобразность, но вместе с тем серьезность и почтенность. Там люди обыкновенно занимаются выделкой стекла, а также изготавливают часы и снабжают ими полмира.

По другую сторону леса живет часть того же племени, но их занятия сообщили им иные обычаи и привычки, чем у стекольщиков. Они торгуют лесом, валят и обтесывают свои ели и сплавляют их по Нагольде в Неккар, а из Верхнего Неккара – вниз по Рейну, и даже вплоть до Голландии, так что и у моря знают шварцвальдцев и их длинные плоты.

В каждом городе, лежащем при реке, они останавливаются и гордо дожидаются, не будут ли покупать у них бревна и доски. Что же касается самих крепких и длинных бревен, то их за большие деньги продают мингерам, которые строят из них корабли. Эти люди привыкли к суровой, бродячей жизни. Их радости

закljučаются в том, чтобы спускаться по реке на своих деревьях, их горе – берегом плестись назад.

Поэтому-то их великолепная одежда так отлична от костюма стекольщиков в другой части Шварцвальда. Они носят кафтаны из темной холстины, шириною в ладонь, на мощной груди зеленые подтяжки, штаны из черной кожи, из кармана которых выглядывает медный фут в виде знака отличия. Но особенную их гордость составляют сапоги, по всей вероятности самые большие, на какие есть мода где-либо на свете. В самом деле, они могут быть натянуты на две пяди выше колен, и сплавщики могут бродить в них по воде в три фута глубиной не промачивая ног.

Еще недавно жители этого леса верили в лесных духов и только в новейшее время освободились от этого неразумного суеверия. Однако чрезвычайно странно, что даже эти лесные духи, которые по преданию обитают в Шварцвальде, различались по костюму. Так, уверяли, что Стекланный Человечек, добрый дух, ростом в 3 фута, никогда не показывается иначе, как в остроконечной шляпочке с большими полями, в кафтане, шароварах и красных чулочках. А Голландец Михель, который хозяйничает на другой стороне леса, – исполинского роста, широкоплечий, в костюме сплавщика. Многие, видевшие его, готовы были утверждать, что не могли бы заплатить из своего кармана за то количество телят, кожи которых потребовались на его сапоги. «Они так велики, что обыкновенный человек может стоять в них по шею», – говорили эти люди и уверяли, что не преувеличивают.

С этими лесными духами одному молодому шварцвальдцу однажды пришлось иметь престранную историю, о которой я и хочу рассказать.

В Шварцвальде жила одна вдова, Барбара Мунк. Муж ее был угольщиком. После его смерти она мало-помалу приучила к тому же занятию своего шестнадцатилетнего сына. Молодому, статному парню, Петеру Мунку, это было по душе, потому что еще при отце он не знал ничего другого, как по целым неделям сидеть у дымящегося костра или черным и покрытым сажей ехать в город продавать свой уголь. Но у угольщика много времени для размышлений о себе и обо всем другом, и когда Петер Мунк сидел перед костром, окружавшие его

темные деревья и глубокая лесная тишина навевали на него слезы и какую-то бессознательную тоску. Что-то огорчало его и досаждало ему, но что именно – он хорошенько не знал. Наконец он подметил за собой что-то такое, и это было его положение. «Черный, одинокий угольщик! – говорил он про себя. – Что за жалкая жизнь! В каком почете стекольщики, часовщики и даже музыканты, особенно в воскресный вечер! А покажется Петер Мунк, чисто вымытый и разряженный, в отцовском праздничном кафтане с серебряными пуговицами, в новых красных чулках, и если тогда кто-нибудь подойдет сзади, подумает: «Кто этот стройный молодец?» и с завистью посмотрит на мои чулки и на мою статную походку, – стоит только ему оглянуться, и тогда он, конечно, скажет: «Ах, это просто угольщик Петер Мунк!»»

Сплавщики с той стороны леса тоже были предметом его зависти. Когда эти лесные великаны в великолепных одеждах проезжали мимо, имея на себе пуговиц, пряжек и цепей на полцентнера серебра, когда они расставив ноги с важными лицами смотрели на танцы, ругались по-голландски и, как знатные мингеры, дымили из кельнских трубок длиною в локоть, тогда он представлял себе сплавщика самым совершенным изображением счастливого человека. Когда же эти счастливцы лезли в карманы, вытаскивали руки, полные больших талеров, и играли в кости по большой, по 5—10 гульденов ставка, голова его начинала идти кругом и он уныло плелся к своей хижине. Ведь он собственными глазами видел, как в некоторые из праздничных вечеров тот или другой из этих «лесных господ» проигрывал больше, чем его бедный отец Мунк зарабатывал за год.

Особенно выдавались трое из этих мужчин, относительно которых он положительно не знал, кому больше он должен удивляться.

Один был толстый, огромный мужчина с красным лицом. Он слыл за самого богатого человека в округе. Его звали Толстым Эзехиелем. Каждый год он по два раза ездил в Амстердам со строевым лесом и имел такую удачу, что всегда продавал дороже других. В то время как все остальные шли домой пешком, он мог ехать на лошади.

Другой был самым длинным и худым человеком во всем Шварцвальде, его звали Длинным Шморкером. Петер Мунк завидовал и ему за его необыкновенную

смелость. Он перечил самым уважаемым людям. Хотя бы в харчевне сидели уже в совершенной тесноте, все-таки ему нужно было места больше, чем для четверых толстых, потому что он или опирался на стол обоими локтями, или втаскивал одну из своих длинных ног к себе на скамейку, и все же никто не смел противоречить ему, потому что у него было нечеловечески много денег.

Третий был красивым молодым человеком, который танцевал лучше всех, за что и получил прозвание Короля Танцев. Он был раньше бедняком и служил в работниках у одного владельца леса. Потом он вдруг сделался богачом. Одни говорили, что он нашел под старой елью горшок, наполненный деньгами; другие ручались головой, что недалеко от Бингена на Рейне он подцепил багром, с которым сплавщики иногда охотятся на рыб, мешок с золотыми монетами, а этот мешок составлял часть огромного клада Нибелунгов, который был скрыт там. Одним словом, однажды он разбогател и стал пользоваться у старого и малого таким уважением, как будто был принцем.

Сидя один в еловом лесу, угольщик Петер часто думал об этих трех людях. Правда, все три имели один существенный недостаток, который делал их ненавистными для людей, – это была их нечеловеческая скупость, их жестокость к должникам и беднякам, а шварцвальдцы ведь народ добродушный. Но известно, что происходит в таких случаях: хотя они и были ненавистны за свою скупость, однако за свои деньги они пользовались уважением. В самом деле, кто же мог, подобно им, бросать талерами так, как будто их кто стряхивал с елей.

«Так дальше не может продолжаться, – сказал себе однажды сильно огорченный Петер, потому что накануне был праздник и весь народ собрался в харчевне. – Если я в скором времени не поправлюсь, то я сделаю с собою что-нибудь скверное. О, если бы я был таким богатым, как Толстый Эзекиель, или смелым и сильным, как Длинный Шморкер, или если бы был таким же известным и мог бы бросать музыкантам по талеру вместо крейцера, подобно Королю Танцев! Где только этот малый добыл денег?»

Он перебрал всевозможные средства, какими можно приобрести деньги, но ни одно ему не улыбалось. Наконец ему пришли в голову предания о людях, которые в незапамятное время сделались богатыми по милости Голландца Михеля и

Стеклянного Человечка. Когда его отец был еще жив, к нему часто приходили в гости другие бедняки, и тогда они вели длинные разговоры о богатых людях и о том, как они сделались богачами. Нередко тут играл роль Стеклянный Человечек. Да, если бы хорошенько поразмыслить, то можно было бы припомнить и стишки, которые нужно произнести в середине леса, на холме, покрытом елями, и тогда появится дух. Они начинались так:

Хозяин всех сокровищ

Огромных – старый дед,

Живешь в лесу еловом

Ты много сотен лет!

Рожденный в воскресенье

Здесь должен постоять,

Чтобы тебя под сенью...

Но как он ни напрягал свою память, как ни старался, дальше не мог припомнить ни одного стиха. Часто подумывал он пойти спросить какого-нибудь старика, как читается это заклинание, но его всегда удерживала некоторая боязнь выдать свои мысли. К тому же он предполагал, что это заклинание могут знать лишь немногие, потому что оно обогатило немного народа. Ведь почему бы тогда его отцу и другим беднякам не попытаться своего счастья? Наконец однажды ему удалось разговориться насчет духа со своей матерью, и она рассказала ему то, что он уже знал, и могла сказать тоже только первые строчки заклинания. Впрочем, в конце концов, она сообщила, что дух является лишь тем, кто родился в воскресенье между 12 и 2 часами. Сам он мог бы великолепно воспользоваться этим, если бы только знал заклинание, потому что родился в воскресенье ровно в 12 часов дня.

Узнав об этом, Петер Мунк был почти вне себя от страстного желания воспользоваться этой случайностью. Ему казалось совершенно достаточным знать часть заклинания и родиться в воскресенье, чтобы Стеклянный Человечек предстал перед ним. Поэтому, продав однажды уголь, он не стал разводить нового

костра, но, надев отцовский сюртук и новые красные чулки и надвинув праздничную шляпу, взял в руку свою пятифутовую палку из терновника и попрощался с матерью:

– Мне нужно в город, в присутствие. Так как вскоре придется тащить жребий, кому идти в солдаты, то я и хочу только еще раз напомнить, что вы вдова, а я ваш единственный сын.

Мать одобрила его решение, и он отправился в еловую рощу. Эта еловая роща лежала в самой высокой части Шварцвальда, и на расстоянии двух часов в окружности не было ни одной деревни, даже ни одной хижины, так как суеверные люди думали, что там нечисто. В той местности, несмотря на то что там были высокие и превосходные ели, на дрова рубили их неохотно, потому что с работавшими там дровосеками часто случались несчастья: то топор соскакивал с топорница и попадал в ногу, то деревья падали слишком быстро и валили с собой людей, калечили и даже зашибали насмерть. Самые лучшие деревья оттуда шли только на дрова, а сплавщики никогда не брали для плотов ни одного ствола из елового леса, потому что ходила молва, будто и человек, и дерево могут погибнуть, если в воде будет ель из этой рощи. Отсюда-то и происходило, что в еловой роще деревья были так густы и высоки, что даже в ясный день там была почти ночь. Петер Мунк там совершенно потерял мужество. Он не слышал ни одного голоса, никаких шагов, кроме собственных, ни единого удара топором; даже птицы, казалось, избегали этой густой тьмы елей.

Вот угольщик Петер достиг высшей точки еловой рощи и остановился перед елью с огромным обхватом, за которую голландский корабельщик дал бы на месте много сотен гульденов. «Наверно, – подумал Петер, – здесь живет хозяин сокровищ». Затем он снял свою большую праздничную шляпу, отвесил перед деревом глубокий поклон, откашлялся и дрожащим голосом произнес:

– Желаю благополучного вечера, господин Стекланный Человечек!

На это не последовало никакого ответа, и кругом все было так же тихо, как и раньше.

«Пожалуй, мне нужно сказать стихи», – подумал он тогда и пробормотал:

Хозяин всех сокровищ

Огромных – старый дед,

Живешь в лесу еловом

Ты много сотен лет!

Рожденный в воскресенье

Здесь должен постоять,

Чтобы тебя под сенью...

Произнеся эти слова, он к величайшему своему ужасу увидел, что позади толстой ели выглянула какая-то маленькая, диковинная фигурка. Судя по описаниям, он увидел именно Стеклянного Человечка: черный сюртучок, красные чулочки, шляпочка – все было так. Он даже был уверен, что увидал бледное, тонкое и умное лицо, о котором ему говорили. Но увы! Насколько быстро выглянул этот Стеклянный Человечек, так же скоро и исчез.

– Господин Стеклянный Человечек! – воскликнул Петер после некоторого промежутка. – Будьте так добры, не считайте меня за дурака! Господин Стеклянный Человечек, если вы полагаете, что я вас не видал, то вы очень ошибаетесь: я отлично видел, как вы выглянули из-за дерева!

Снова нет ответа, только за деревом ему как будто послышалось тихое, сиплое хихиканье. Наконец его нетерпение превзошло робость, которую он все еще ощущал.

– Погоди, малыш! – крикнул он. – Скоро я тебя поймаю!

Одним прыжком он очутился за елью. Но никакого духа там не было, только маленькая нежная белочка мигом взлетела на дерево.

Петер Мунк покачал головой. Он понял, что если бы он привел заклинание до последнего места и не ошибся бы только в рифме, то выманил бы Стеклянного

Человечка. Но как Петер ни думал, однако ничего не мог подыскать. На нижних ветвях ели показалась белочка, и ему почудилось, что она не то ободряла его, не то подсмеивалась. Она умывалась, вертела красивым хвостом и смотрела на него своими умными глазами, так что, в конце концов, ему сделалось даже страшно оставаться наедине с этим животным. То ему казалось, что у белки человеческая голова и на ней треугольная шляпа, то снова она была совершенно такой же, как другие белки, и только на задних лапках у нее были красные чулки и черные башмачки. Одним словом, это было занятное животное; однако Петер струхнул, полагая, что тут дело нечисто.

Он вышел из рощи гораздо проворнее, нежели пришел. Тьма еловой рощи становилась еще чернее, деревья стояли словно чаще, и ему стало так страшно, что он пустился оттуда бегом и пришел несколько в себя лишь тогда, когда услышал вдали собачий лай и увидел вслед затем между деревьями дым из хижины.

Когда он подошел ближе и разглядел бывших в хижине людей, то сообразил, что от страха взял прямо противоположное направление и вместо стекольщиков попал к сплавщикам. Жившие в хижине люди оказались дровосеками: старик, его сын – хозяин дома и взрослые внуки. Петера, который попросил ночлег, они приняли радушно, не спрашивая ни имени, ни местожительства, и предложили ему яблочного вина, а вечером был подан большой тетерев, любимое кушанье шварцвальдцев.

После ужина хозяйка и ее дочери уселись с прялками около большой лучины, которую молодые люди натерли лучшей еловой смолой. Дед и хозяин закурили и смотрели на женщин, а молодые люди занялись строганьем из дерева ложек и вилок. В лесу завывала буря и бушевала по елям; то и дело слышались резкие удары, и нередко приходило в голову – не все ли деревья разом свалились и загрохотали. Бесстрашные юноши хотели побежать в лес и взглянуть на это ужасное и прекрасное зрелище, но строгий вид деда удержал их.

– Я бы никому не советовал выходить сегодня за дверь! – крикнул он им. – Как Бог свят, тот не вернется назад. Ведь сегодня ночью Голландец Михель рубит в лесу новый сруб на плот.

Молодежь удивилась. Правда, они уже слышали о Голландце Михеле, но теперь начали просить деда рассказать о нем еще разок. Петер Мунк, который только смутно слышал рассказы о Голландце Михеле, живущем по ту сторону леса, присоединился к ним и спросил старика, кто этот Михель и откуда он.

– Он хозяин этого леса. Так как вы еще не знаете этого в вашем возрасте, то я могу вывести заключение, что вы, должно быть, родом с той стороны еловой рощи или даже еще дальше. Так я расскажу вам о Голландце Михеле что знаю и как о нем говорит предание.

Лет сто тому назад, так по крайней мере рассказывал мне мой дедушка, на всей земле не было народа честнее шварцвальдцев. Теперь, когда в стране так много денег, люди стали недобросовестны и дурны. Молодые по воскресеньям пляшут, буйствуют и бранятся так, что ужас. Тогда было по-другому, и если бы даже сейчас Голландец Михель заглянул сюда в окошко, все-таки я скажу и буду говорить постоянно, что это он повинен во всей этой порче. Так вот, лет за сто или больше жил богатый сплавщик, у которого было много рабочих. Он вел обширную торговлю вниз по Рейну и имел в своих делах удачу, потому что был человек благочестивый.

Однажды вечером к его дому подошел какой-то мужчина, подобного которому он еще никогда не видал. Одежда у него была, как и у прочих шварцвальдских парней, но он был на целую голову выше всех. Еще никто никогда и не подозревал, что могут быть такие великаны. Он попросил у сплавщика работы, и сплавщик, видя, что он крепок и может носить большие тяжести, сговорился с ним насчет платы. Они ударили по рукам. Михель оказался таким работником, какого у сплавщика еще не было. В рубке деревьев он был за троих, и когда за один конец дерева тащили шестеро, он один нес другой конец.

Порубив с полгода, он раз явился к хозяину и обратился к нему с просьбой. «Уж я нарубил здесь достаточно деревьев. Мне бы хотелось теперь увидеть, куда идут

мои стволы. Поэтому нельзя ли, если вы позволите, отправиться мне хоть раз на плотях?» Сплавщик отвечал: «Мне бы, Михель, не хотелось идти против твоего желания посмотреть немного свет; хотя для рубки мне нужны сильные люди, как, например, ты, а на плоту нужна ловкость, но пусть будет по-твоему».

Так и было. Плот, на котором он должен был уехать, был в восемь звеньев, и в последнем звене были огромные стропила. Что же случилось? Накануне вечером Михель спустил на воду еще восемь бревен, таких толстых и длинных, каких еще никто не видывал. Он тащил их на плече так легко, как будто это был шест от плота, так что все поразились. Где он их вырубил – до сих пор никто не знает. У сплавщика сердце радовалось при виде такого зрелища, так как он высчитал, сколько могут стоять такие балки. Михель же сказал: «Вот эти годятся мне на плаванье, а на тех щепках я не далеко уехал бы».

В благодарность за это хозяин хотел подарить ему пару речных сапог, но он швырнул их в сторону и принес пару таких, каких нигде нельзя достать. Мой дедушка уверял, что они весили сто фунтов и были в пять футов длиной.

Плот отплыл, и если раньше Михель приводил в изумление дровосеков, то теперь поразились и сплавщики. Действительно, плот, состоявший из огромных балок, казалось бы, должен был идти по реке тише. На самом деле он полетел как стрела, лишь только вступили в Неккар. На поворотах по Неккару сплавщики прежде прилагали много усилий, чтобы удержать плот посередине и не наткнуться на камни или мель. Теперь же Михель всякий раз соскакивал в воду, одним духом сдвигал плот налево или направо, и плот безопасно скользил дальше. Если же место было ровное, то он бежал на первый плот, заставлял всех брать шесты, упирался своим огромным шестом в камень, и от одного его толчка плот летел так, что земля, деревья и деревни так и мелькали. Таким образом они прибыли в Кельн, где продавали раньше свой груз, за половину того времени, которое обыкновенно употребляли на это расстояние. Но здесь Михель сказал: «Купцы вы, по-моему, хорошие, а свою выгоду упускаете. Неужели вы думаете, что кельнцы сами потребляют весь лес, который идет из Шварцвальда? Нет! У вас они покупают его за полцены, а сами продают его в Голландию гораздо дороже».

Давайте продадим здесь небольшие бревна, а с большими поедем в Голландию. Что мы выручим сверх обыкновенной цены, то будет в нашу собственную пользу».

Так говорил лукавый Михель, и остальные ничего не имели против: одни охотно посетили бы Голландию, чтобы посмотреть ее, другие же из-за денег.

Только один-единственный человек оказался честным и советовал им не подвергать опасности хозяйское добро и не вводить хозяина в обман более высокими ценами. Но его не послушались и его слова забыли. Не забыл их только Голландец Михель. Поехали с лесом вниз по Рейну. Михель вел плоты и быстро доставил их в Роттердам. Там им предложили вчетверо против прежней цены; особенно большие деньги были заплачены за громадные балки Михеля. При виде таких денег шварцвальдцы едва могли опомниться от радости.

Михель отделил одну часть хозяину, а три остальных поделил между работниками. Тут они засели вместе с матросами и разным сбродом в трактирах и промотали все свои деньги. А честного работника, отговаривавшего их, Голландец Михель продал торговцу невольниками и о нем больше ничего не слышали. С тех пор для шварцвальдских парней Голландия стала раем, а Голландец Михель – королем. Сплавщики долго ничего не знали об их похождениях, а тем временем из Голландии незаметно приходили деньги, брань, дурные обычаи, пьянство и игра. Когда эта история обнаружилась, Голландец Михель куда-то пропал, но однако не умер. Около ста лет он изощряется в своих штуках живя в лесу, и говорят, что он уже многим помог сделаться богатыми, но только ценою их несчастных душ. Больше я ничего не могу сказать. Только известно, что и по сие время в такие бурные ночи он выбирает себе в еловом лесу, где никто не рубит, самые лучшие ели. Мой отец видел, как он сломал одну такую, в четыре фута толщины, как тростинку. Ими он наделяет тех, кто, отворотившись от честного пути, идет к нему. В полночь они сносят срубы в воду, и он плывет с ними в Голландию. Но если бы я был повелителем и королем Голландии, я приказал бы разбить его картечью, потому что все корабли, в которых находится хоть одна балка от Голландца Михеля, должны погибнуть. Отсюда и происходит, что так часто слышно о кораблекрушениях. Как может, в самом деле, прекрасное, крепкое судно величиной с церковь пойти ко дну? Но всякий раз как в бурную ночь Голландец

Михель срубает в Шварцвальде ель, одно из срубленных им бревен выскакивает из корпуса корабля, вода тотчас же проникает туда, и корабль с людьми и со всем грузом погибает. Таково предание о Голландце Михеле, и это истинная правда, что все зло идет от него. О, он может обогатить! – прибавил старик с таинственным видом. – Но я ничего не желал бы иметь от него. Ни за какие деньги я не согласился бы торчать в шкуре Толстого Эзехиеля или Длинного Шморкера! Да и Король Танцев, должно быть, продался ему!

Во время рассказа старика буря утихла. Девушки боязливо зажгли лампы и ушли. Мужчины положили Петеру Мунку на лежанку мешок с листьями вместо подушки и пожелали спокойной ночи.

Никогда еще угольщику не снились такие тяжелые сны, как в эту ночь. То он видел, будто угрюмый великан Михель с шумом распахивает окно и своей огромной рукой протягивает кошелек, полный золотых монет, встряхивает их, и они звучат звонко и заманчиво. То он видел, будто маленький приветливый Стекланный Человечек въезжает в комнату на длинной зеленой бутылке, и ему казалось, что он снова слышит сиплый смех, как в еловом лесу. То в его левом ухе раздавалось:

В Голландии есть золото,

Бери, кто не дурак!

Золото, золото,

И стоит пустяк!

То снова в правом ухе ему слышалась песенка о хозяине сокровищ в зеленом лесу и нежный голос нашептывал ему:

«Глупый угольщик Петер, глупый Петер Мунк, ты не можешь подобрать ни одной рифмы к слову «стоять», а еще родился в воскресенье в двенадцать часов.

Подбирай же, глупый Петер, подбирай!..»

Он во сне вздыхал и стонал и весь измучился, подыскивая рифму, но так как в своей жизни он не сочинил ни одного стиха, то труд его во сне был напрасен.

Когда он на заре проснулся, сон показался ему очень странным. Стиснув руки, он

сел за стол и стал думать о нашептываньях, которые засели у него в ушах. «Подбирай, глупый Петер, подбирай!» – говорил он про себя, стуча пальцем по лбу, но все же ни одна рифма не приходила ему в голову.

В то время как он сидел, мрачно глядя перед собой и придумывая рифму на «стоять», мимо дома в лес проходили три парня. Один из них на ходу пел:

Над горною долиной случилось мне стоять, —

Ее в последний раз там пришлось мне увидеть!..

Словно яркая молния пронизала эта песенка слух Петера, и он, вскочив с места, бросился из дома, полагая, что не особенно хорошо расслышал ее. Догнав трех парней, он быстро схватил певца за рукав.

– Стой, друг! – воскликнул он. – Какая рифма на «стоять»? Сделайте мне одолжение, скажите как вы пропели.

– Чего ты привязался, малый? – возразил шварцвальдец. – Я могу петь что хочу. А ты пусти сейчас же мою руку, или...

– Нет, ты мне скажешь, что ты пел! – почти вне себя закричал Петер, еще крепче схватывая его.

При виде этого двое других недолго думая напали на бедного Петера со своими крепкими кулаками и так здорово помяли его, что он от боли выпустил одежду третьего и, выбившись из сил, упал на колени.

– Получил теперь свое! – сказали они со смехом. – И заметь себе, сумасшедший, никогда не нападай на открытой дороге на таких людей, как мы.

– Ах, конечно, я это запомню! – отвечал Петер вздыхая. – Но после того как я претерпел побои, будьте добры, скажите мне точно, что он пропел.

Они снова начали смеяться и подтрунивать над ним. Однако певший песню сказал ее Петеру, и они со смехом и пением пошли дальше.

– Значит, «увидать», – говорил несчастный побитый, с трудом поднимаясь. – «Увидать» на «стоять». Теперь, Стекланный Человечек, мы снова поговорим.

Он отправился в хижину, взял свою шляпу и длинную палку и, попрощавшись с обитателями дома, двинулся в обратный путь, к еловой роще. Тихо и задумчиво шел он по дороге, так как должен был придумать еще один стишок. Наконец, войдя уже в самый лес, где ели стали выше и гуще, он придумал этот стишок и от радости даже подпрыгнул вверх.

В это время из-за ели вышел огромного роста человек в одежде сплавщика, держа в руке шест длиной с мачту. Видя, что он своими длинными ногами шагает рядом, Петер Мунк чуть было не упал на колени: он понял, что это не кто иной, как Голландец Михель. Хотя странная фигура все еще безмолвствовала, но Петер по временам со страхом косил на нее глаза. Голова Михеля была гораздо больше, чем у самого высокого человека, какого только видел Петер; лицо было не очень молодое, но и не старое, все покрытое складками и морщинами. На Михеле были холстинный кафтан и огромные сапоги, надетые сверх кожаных штанов и отлично известные Петеру по преданию.

– Петер Мунк, что ты делаешь в еловой роще? – спросил наконец король леса глухим, угрожающим голосом.

– Доброе утро, земляк, – отвечал Петер, желая казаться бесстрашным и в то же время сильно дрожа. – Я хочу пройти домой через еловую рощу.

– Петер Мунк, – возразил тот, бросая на него пронизывающий, страшный взгляд, – твой путь идет не через эту дубраву.

– Ну, это ничего не значит, – сказал Петер, – сегодня что-то жарко, так вот я думаю, что здесь будет прохладнее.

– Не лги ты, угольщик Петер, – крикнул Голландец Михель громовым голосом, – или я уложу тебя шестом! Ты думаешь, я не видал, как ты попрошайничал у малышки? – прибавил он тихо. – Ну-ну, глупая же эта штука, и хорошо, что ты не знал заклинания. Он скряга, этот малыш, и даст немного; а кому даст, тот не будет рад и жизни. Петер, ты бедный простофиля, и мне тебя от души жаль. Такой

проворный и славный малый мог бы на свете предпринять что-нибудь порядочное, а ты должен жечь уголь. В то время как другие вытряхивают из рукава большие талеры и дукаты, ты можешь истратить всего лишь каких-нибудь двенадцать пфеннигов! Это жалкая жизнь!

– Это верно. Вы правы – жалкая жизнь!

– Так, пожалуй, мне-то все равно, – продолжал ужасный Михель. – Уже многим молодцам я помог выйти из нужды, и ты будешь не первый. Скажи-ка, сколько сотен талеров нужно тебе на первый раз?

При этих словах он стал пересыпать деньги в своем огромном кармане, и они звучали совсем так, как в эту ночь во сне. Но сердце Петера боязливо и болезненно сжалось. Его бросало то в холод, то в жар, так как Голландец Михель не имел такого вида, чтобы дарить деньги из сострадания, ничего не требуя за них. Тут Петеру пришли на память полные таинственного смысла слова старика насчет богатых людей и под влиянием необъяснимой тревоги и опасения он крикнул:

– Покорно благодарю, сударь! Только с вами я не желаю иметь дела, я уж знаю вас! – И пустился бежать изо всех сил.

Но лесной дух своими огромными шагами шагал рядом, глухо и мрачно бормоча, ему:

– Ты еще раскаешься, Петер, еще придешь ко мне. Это написано у тебя на лбу и можно прочесть по твоим глазам. Ты не улизнешь от меня, не беги так скоро. Выслушай только еще разумное слово, а то там уже кончаются мои владения.

Но как только Петер услышал это и увидал в это время недалеко от себя небольшой ров, он еще прибавил ходу с целью перейти черту владений, так что под конец Михель принужден был бежать вслед за ним, осыпая его проклятиями и бранью. Как только юноша увидел, что лесной дух размахнулся своим шестом с намерением положить Петера на месте, он отчаянным прыжком перескочил через ров. Он уже благополучно был на другой стороне, а шест расщепился в воздухе, словно о невидимую стену, и только длинный кусок упал как раз около Петера.

Торжествуя Петер поднял его, намереваясь перебросить обратно страшному Михелю. В это мгновение он почувствовал, что кусок дерева в его руке шевелится, и к своему ужасу увидел, что держит в руке огромную змею, которая поднимается к нему со своим слюнявым языком и сверкающими глазами. Он хотел выпустить ее, но змея обвилась вокруг его руки и уже приближалась к его лицу, ворочая своей головой. Как раз в это время зашумел огромный тетерев и, схватив клювом змею за голову, поднялся с ней в воздух. Голландец Михель, видя все это с той стороны рва, стал выть, кричать и рычать, когда змея была подхвачена огромной птицей.

Изнуренный и дрожащий, Петер двинулся в путь. Вот тропинка стала круче, а местность – более дикой, и он вскоре очутился перед огромной елью. Сделав, как вчера, поклон невидимому Стеклянному Человечку, он произнес:

Хозяин всех сокровищ

Огромных – старый дед,

Живешь в лесу еловом

Ты много сотен лет!

Рожденный в воскресенье

Здесь должен постоять,

Чтобы тебя под сенью

Древесной увидеть.

– Хотя ты угадал и не совсем верно, но уж пусть будет так, – произнес около него нежный, тонкий голос.

В изумлении Петер осмотрелся вокруг: под великолепной елью сидел маленький, старый человечек в черном кафтане, красных чулках и большой шляпе на голове. У него было тонкое, приветливое лицо с бородой, нежной как паутина. Он курил – и это казалось очень странным! – из трубки синего стекла. Когда Петер шагнул ближе, то к великому своему изумлению увидел, что и одежда, и башмаки, и

шляпа малютки – все состояло из окрашенного стекла, но оно было гибко, словно было еще теплым, и при каждом движении человечка складывалось, как сукно.

– Ты встретил этого пентюха, Голландца Михеля? – сказал он, странным образом покашливая на каждом слове. – Он думал хорошенько пугнуть тебя, только я отнял у него его чудесную дубинку, которую он никогда уж не получит обратно.

– Да, господин хозяин сокровищ, – отвечал Петер с низким поклоном, – я здорово струсил. Но ведь это вы были тетеревом, который заклевал змею до смерти? В таком случае приношу вам искреннюю благодарность. Но я пришел с целью получить от вас совет. Мне живется плохо и трудно – угольщик может скопить не очень-то много. Я еще молод. Так вот я и думаю, что, может быть, из меня еще выйдет что-нибудь получше. Всякий раз, как я смотрю на других, я вижу, сколько они уже скопили в короткое время. Взять хотя бы только Эзехиеля или Короля Танцев – у них денег словно сена!

– Петер! – очень серьезно сказал малютка и пустил из своей трубки дым далеко вокруг. – Петер! О них мне ничего не говори. Что из того, если здесь они будут несколько лет как будто счастливы; после этого они будут тем более несчастны. Ты не должен презирать своего ремесла. Твой отец и дед были честными людьми и в то же время занимались им, Петер Мунк. Я надеюсь, что не любовь к праздности привела тебя ко мне.

Петер испугался серьезного тона Человечка и покраснел.

– Нет, – сказал он, – праздность, я отлично знаю это, есть мать всех пороков; но вы не можете ставить мне в вину, что какое-нибудь другое положение нравится мне больше, чем мое собственное. Угольщика считают на свете за какое-то ничтожество, в то время как стекольщиков, сплавщиков, да и всех почитают гораздо больше.

– Спесь до добра не доводит, – уже несколько дружелюбнее возразил маленький владелец елового леса. – Вы, люди, удивительный народ! Редко кто совершенно доволен тем положением, в котором родился и воспитан. И ведь что будет: если ты сделаешься стекольщиком, то охотно пожелаешь быть сплавщиком, а если станешь сплавщиком – захочешь место лесничего или старшины... Но пусть будет

так! Если ты даешь слово работать исправно, то я помогу тебе, Петер, добиться чего-нибудь лучшего. Обыкновенно я исполняю три желания каждого родившегося в воскресенье, который знает, как найти меня. Два первых – по выбору. В третьем я могу отказать, если оно будет глупо. Таким образом, пожелай себе чего-нибудь, только, Петер, чего-нибудь благого и полезного.

– Ах! Вы самый прекрасный Стекланный Человечек, и вас совершенно справедливо называют хозяином сокровищ, потому что сокровища находятся у вас. Ну, если я в самом деле смею пожелать того, чего жаждет мое сердце, то, во-первых, я хочу танцевать еще лучше, чем Король Танцев, и постоянно иметь в кармане так много денег, как у Толстого Эзехиеля.

– Ты глупец! – гневно воскликнул малютка. – Что за жалкое желание иметь возможность превосходно танцевать и иметь на игру деньги. И не стыдно тебе, глупый Петер, обманываться относительно своего собственного счастья? Что пользы для тебя и для твоей бедной матери, если ты будешь уметь танцевать? Что пользы в деньгах, которые, согласно твоему желанию, нужны только для харчевни и которые, как у Короля Танцев, останутся там? А целую неделю у тебя опять-таки ничего не будет и ты будешь нуждаться, как и прежде. Еще одно желание я предоставляю на твое усмотрение, но смотри, пожелай чего-нибудь более разумного!

Петер почесал у себя за ухом и после некоторого замедления сказал:

– Ну, я хочу заведовать лучшей и самой богатой стекольной фабрикой во всем Шварцвальде, со всеми принадлежностями и капиталом.

– Больше ничего? – спросил с озабоченным видом малютка. – Больше ничего, Петер?

– Ну, вы, может... может, прибавите еще лошадь и повозку...

– О, глупый угольщик! – с негодованием воскликнул малютка и так хватил о толстую ель своей стеклянной трубкой, что она разлетелась на сто кусков. – «Лошадь!»! «Повозку!»! Разума, говорю я тебе, разума, здорового человеческого разума и благоразумия должен был ты пожелать, а не лошадь с повозкой! Ну, не

будь так печален, мы еще постараемся, чтобы и это не послужило тебе во вред. Ведь второе желание, в общем, было не глупо. Хорошая стекольная фабрика прокормит своего хозяина; только если бы ты, сверх того, смог бы захватить с собой здравого смысла и благоразумия, тогда повозка с лошадью, наверно, явились бы сами собой.

– Но господин хозяин сокровищ, – возразил Петер, – у меня осталось еще одно желание. В таком случае я мог бы пожелать себе и разума, если он мне так уж необходим, как вы думаете.

– Нет, довольно. Ты еще подвергнешься многим затруднительным обстоятельствам, при которых будешь радоваться, если у тебя будет в запасе еще одно желание. А теперь отправляйся в путь домой. Здесь, – сказал маленький дух елей, вынимая из кармана небольшой кошелек, – здесь две тысячи гульденов, и этого достаточно. Ко мне же не возвращайся снова с требованием денег, потому что в таком случае я должен буду повесить тебя на самой высокой ели. Такого уж правила я держусь с того времени, как живу в лесу. Дня три тому назад умер старый Винкфриц, у которого был большой стекольный завод в Унтервальде. Ступай туда и предложи купить дело, как там следует. Держи себя хорошенько, будь прилежен, а я буду тебя иногда навещать и помогать словом и делом, так как ты вовсе не просил разума. Только первое твое желание – я говорю тебе серьезно – было дурно. Избегай посещения харчевни, Петер, это никому еще не принесло добра!

При этих словах человек вытащил новую трубку из чудесного стекла, набил ее сухими еловыми шишками и сунул в маленький, беззубый рот. Потом он достал огромное зажигательное стекло и выйдя на солнце зажег трубку. Покончив с этим, он дружелюбно протянул Петеру руку, дал на дорогу еще несколько добрых советов, закурил и, все быстрее попыхивая трубкой, исчез, наконец, в облаке дыма, которое имело запах настоящего голландского табака и медленно крутясь пропало на вершине ели.

Придя домой, Петер застал мать, сильно озабоченную его отсутствием. Добрая женщина только о том и думала, что ее сына забрали в солдаты. Но он был весел и в хорошем расположении духа. Он рассказал ей, что встретил в лесу своего

хорошего друга, который ссудил его деньгами, чтобы он вместо обжигания углей начал какое-нибудь другое дело. Хотя его мать и прожила около тридцати лет в доме угольщика и привыкла к виду закоптелых людей так же, как мельничиха к покрытому мукой лицу мужа, но в то же время все-таки была тщеславна, и как только Петер указал ей на более блестящую участь, она стала относиться с презрением к прежнему положению и сказала:

– Да, как мать человека, владеющего стекольным заводом, я буду чем-нибудь другим, нежели соседки Грета и Бета, и на будущее время буду сидеть в церкви впереди, где сидят порядочные люди.

Ее сын скоро сторговался с наследниками стекольного завода. Он оставил у себя рабочих, которых застал, и принялся днем и ночью выделывать стекло. Сначала это занятие ему очень понравилось. Обыкновенно он с удовольствием спускался на завод, повсюду ходил там с важным видом, засунув руки в карманы, совался туда и сюда или указывал то одно то другое, причем его рабочие нередко подсмеивались над ним. Для него самой большой радостью было смотреть как выдувают стекло, и он часто сам задавал себе работу и выделывал причудливые фигуры из мягкой еще массы. Однако работа ему скоро наскучила, и первое время он стал приходить на фабрику только на один час в день, потом в два дня, наконец, лишь один раз в неделю, а его рабочие делали что хотели. Все это происходило только от посещения харчевни.

В воскресенье, вернувшись из еловой рощи, Петер отправился в харчевню. Там в танцевальном зале уже прыгал Король Танцев, а Толстый Эзехиель уже сидел за кружкой и играл в кости на талеры. Петер тотчас же схватился за карман, чтобы удостовериться, сдержал ли слово Стекланный Человечек, и убедился, что карманы набиты золотом и серебром. А в ногах что-то дергало и зудело, как будто они хотели танцевать и прыгать. Когда окончился первый танец, Петер стал со своей дамой впереди, против Короля Танцев, и если последний подпрыгивал вверх на три фута, то Петер взлетал на четыре, если тот делал удивительные и утонченные па, то Петер так выворачивал и семенял ногами, что зрители чуть не выходили из себя от восхищения и изумления. Когда же в танцевальном зале пронесся слух, что Петер купил стекольный завод, и когда увидели, что он нередко

бросал по золотому музыкантам, танцую около них, то удивлению не было конца. Одни предполагали, что он нашел в лесу клад, другие думали, что он получил наследство, но теперь все стали относиться к нему с почтением и считать его порядочным человеком только потому, что у него были деньги. Хотя в этот вечер он проиграл двадцать гульденов, но тем не менее в его кармане был такой гром и звон, как будто там было еще сто талеров.

Когда Петер заметил, каким он пользуется почетом, он не мог опомниться от радости и гордости. Он щедрой рукой разбрасывал деньги, богато оделяя бедных, так как еще помнил, как некогда бедность угнетала его самого. Искусство Короля Танцев померкло перед сверхъестественной ловкостью нового танцора, и Петер получил теперь прозвание Императора Танцев. Самые смелые воскресные игроки не рисковали такими большими ставками, как он, но они также и не теряли так много. И чем больше он проигрывал, тем больше получал денег. Но это делалось совершенно так, как он попросил у маленького Стеклянного Человечка. Он желал всегда иметь в своем кармане столько денег, сколько их было у Толстого Эзехиеля, которому он проигрывал свои деньги. Если он проигрывал сразу 20–30 гульденов, то как только Эзехиель загребал их себе, в кармане Петера снова оказывалось ровно столько же. Мало-помалу он зашел в кутежах и игре дальше, чем самые негодные люди в Шварцвальде, и его стали чаще называть Петером Игроком, а не Императором Танцев, потому что теперь он играл уже почти во все дни недели. Вследствие этого и его стекольный завод мало-помалу пришел в упадок, и виною этому было безрассудство Петера. Он велел вырабатывать стекла возможно больше, но не приобрел вместе с заводом секрета, куда лучше всего можно сбывать его. В конце концов, он не знал, что делать с массой стекла, и стал продавать его странствующим торговцам за полцены, лишь бы только быть в состоянии заплатить рабочим.

Однажды вечером Петер шел из харчевни домой и, несмотря на то что выпил много вина, чтобы развеселиться, с ужасом и скорбью раздумывал об упадке своего дела. Вдруг он заметил, что около него кто-то идет. Он обернулся, и что же – это был Стеклянный Человечек. Петером овладел страшный гнев. Набравшись

смелости и важности, он стал божиться, что во всем его несчастье виновен малютка.

– Что мне делать с лошадыю и телегой? – воскликнул он. – Какая мне польза от завода и от всего моего стекла? Я жил веселее и без всяких забот, когда был еще угольщиком. А теперь я только и жду, что придет пристав, опишет мое имущество и продаст его за долги с молотка.

– Вот как, – возразил Стекланный Человечек. – Так-то? Значит, я виноват в том, что ты несчастен? Такова-то благодарность за мои благодеяния? Кто ж велел тебе желать таких глупостей? Ты желаешь быть стекольным заводчиком и не знаешь, куда продавать стекло? Не говорил ли я тебе, что ты должен был пожелать осмотрительности? Ума тебе недостает, Петер, разума!

– «Ума, разума!» – воскликнул тот. – Я так же умен, как и всякий другой, и сейчас докажу тебе это, Стекланный Человечек!

С этими словами он грубо схватил его крича:

– Здесь ты или нет, хозяин сокровищ в зеленом еловом лесу? Ты должен исполнить мое третье желание, которое я сейчас скажу. Так вот, я желаю, чтобы на этом самом месте было двести тысяч талеров, дом и... ай!.. – вскрикнул он и затряс рукой.

Это лесной человечек превратился в раскаленное стекло и как будто горячим пламенем обжег ему руку. Но от самого человечка уже ничего не было видно.

Несколько дней вздувшаяся рука напоминала Петеру о его неблагодарности и глупости. Но потом он заглушил свою совесть и сказал: «Если у меня продадут стекольный завод и все остальное, все же мне останется еще Толстый Эзехиель. Пока по воскресеньям у меня будут деньги, я ни в чем не буду нуждаться».

Да, Петер? Ну а если их нет? Так и случилось однажды, и это было удивительное происшествие. В одно воскресенье он приехал в харчевню. Некоторые высунули в окна головы. Один сказал: «Вот идет Петер Игрок», другой: «Да, это Император Танцев, богатый стекольный заводчик», а третий покачал головой и произнес: «Ну, насчет богатства можно еще поспорить; везде говорят о его долгах, а в городе

один человек говорил, что пристав недолго будет медлить с описью». В это время Петер важно раскланялся с гостями, выглядывавшими из окна, и сойдя с повозки крикнул:

– Добрый вечер, любезный хозяин! Здесь уже Толстый Эзехиель?

Глухой голос отвечал:

– Иди сюда, Петер! Для тебя приготовлено место, а мы уже тут и за картами.

Петер Мунк вошел в комнату и, сунув руку в карман, сообразил, что Эзехиель, должно быть, хорошо запасся, потому что его собственный карман был полон доверху.

Он подсел за стол к остальным и стал играть, проигрывая и выигрывая.

Так они играли, до тех пор пока при наступлении вечера прочие добрые люди не ушли по домам. Стали играть при свечах, пока наконец двое других игроков не сказали: «Теперь довольно. Нам надо домой к женам и детям». Но Петер стал уговаривать Толстого Эзехиеля остаться. Тот долго не соглашался, наконец воскликнул:

– Хорошо, сейчас я сосчитаю деньги, а потом будем играть! Ставка – пять гульденов, так как меньше – детская игра.

Он вынул кошелек и сосчитал. Было сто гульденов наличными. А Петер теперь уже знал, сколько у него самого, и не нуждался в счете. Хотя перед этим Эзехиель выигрывал, однако теперь терял ставку за ставкой, ругаясь при этом немилосердно. Если он бросал равное число очков, Петер метал то же и всегда двумя очками больше. Тогда Эзехиель положил наконец на стол последние пять гульденов и крикнул:

– Ну еще раз, и если я и теперь проиграю, то больше не послушаю тебя! А ты тогда дашь мне займы из своего выигрыша, Петер. Честный человек обязан помочь другому.

– Сколько хочешь, хоть сто гульденов! – сказал Император Танцев, радуясь своему выигрышу.

Толстый Эзехиель тщательно потряс кости и выбросил пятнадцать.

– Теперь мы посмотрим! – воскликнул он.

Но Петер выкинул восемнадцать. В это время знакомый сиплый голос произнес позади него:

– Это последний раз!

Он оглянулся: сзади него стоял огромный Голландец Михель. От ужаса Петер выпустил деньги, которые перед этим уже загреб. Но Толстый Эзехиель не видел лесного духа и требовал, чтобы Петер одолжил ему на игру десять гульденов. Как во сне Петер сунул руку в карман, но денег там не было. Он стал искать в другом кармане. Ничего не найдя и там, он выворотил наизнанку сюртук, но и оттуда не выпало ни одного медного гроша. Тут только он вспомнил о своем первом желании – иметь всегда столько денег, сколько их у Толстого Эзехиеля. Все исчезло как дым.

Хозяин и Эзехиель с удивлением смотрели, как он все ищет деньги и не может найти, и не хотели верить, что у него больше ничего нет. Но когда наконец они сами обыскали его карманы, то рассердились и стали клясться, что Петер злой колдун и что все выигранные деньги и его собственные перенеслись по его желанию в его дом. Петер упорно отрицал это, но улики были против него. Эзехиель сказал, что всем в Шварцвальде расскажет эту страшную историю, а хозяин дал слово, что завтра отправится в город и донесет на Петера, что он колдун. Он добавил, что надеется дожить до того дня, когда Петера сожгут. Потом они яростно набросились на него и, сорвав с него кафтан, вытолкали его за дверь.

Ни одной звезды не сияло на небе, когда Петер печально плелся к своему жилищу, однако он мог различить шедшую рядом с ним темную фигуру, которая наконец заговорила:

– Теперь, Петер, всему твоему великолепию настал конец. А ведь я как-то уже говорил тебе об этом, когда ты ничего не хотел слышать от меня и побежал к

этому глупому стеклянному карлику. Теперь ты видишь, что происходит с тем, кто отвергает мой совет. Но попробуй обратиться ко мне, я сочувствую твоей участи. Еще никто из обращающихся ко мне не раскаялся в этом, и если ты не страшишься этого пути, то завтра целый день я буду в еловой роще, чтобы говорить с тобой, когда ты позовешь меня.

Хотя Петер отлично сообразил, кто говорит с ним таким образом, но на него напал страх. Ничего не ответив, он пустился домой.

На этих словах рассказчика прервал какой-то шум перед харчевней. Было слышно, что подъехал экипаж, несколько голосов требовали огня, затем раздался резкий стук в ворота, и среди всего этого завывали собаки. Комната, отведенная извозчику и ремесленникам, выходила на дорогу. Все четверо вскочили и бросились туда, чтобы посмотреть, что случилось. Насколько можно было видеть при свете фонаря, перед харчевней стояла большая дорожная карета; какой-то высокий мужчина только что помог двум дамам в вуалях выйти из экипажа, в то время как кучер в ливрее распрягал лошадей, а слуга отвязывал чемодан.

– Да благословит их Бог, – произнес вздыхая извозчик. – Если они выйдут из этой харчевни невредимыми, то мне и подавно нечего опасаться за свою повозку.

– Тише, – шепотом проговорил студент. – Мне кажется, что поджидали-то не нас, а этих дам. Очень вероятно, что они еще раньше были извещены об их проезде. Если бы только можно было их предупредить! Стойте! Во всей харчевне для дам нет ни одной подходящей комнаты, кроме соседней с моей. Туда их и приведут. Оставайтесь спокойно в этой комнате, а я постараюсь предупредить слуг.

Молодой человек проскользнул в свою комнату, потушил свечи и оставил гореть только ночник, который ему дала хозяйка. Затем он начал прислушиваться около двери. Скоро на лестнице появилась хозяйка с дамами, которых она с приветливыми и ласковыми словами повела в соседнюю комнату. Она уговаривала посетительниц скорее ложиться спать, потому что они утомились с дороги. Затем она снова сошла вниз. Вслед за этим студент услышал тяжелые шаги мужчины, поднимавшегося по лестнице. Он осторожно приотворил дверь и через маленькую щель увидел того высокого мужчину, который высаживал дам из

кареты. На нем была охотничья одежда, а сбоку нож; очевидно, это был выездной лакей или спутник неизвестных дам. Когда студент убедился, что тот вошел один, он быстро открыл дверь и сделал ему знак, приглашая войти. Тот с удивлением подошел ближе и лишь только хотел спросить, что от него угодно, как студент прошептал ему:

– Слушайте! На эту ночь вы попали в корчму разбойников.

Человек перепугался. Студент ввел его совсем за дверь и рассказал, как все в этом доме выглядит подозрительно.

Услыхав это, слуга сделался очень озабоченным. Он сообщил молодому человеку, что эти дамы, графиня и ее камеристка, сначала хотели ехать всю ночь. Но на расстоянии получаса от этой корчмы с ними встретился верховой, который окликнул их и спросил, куда они едут. Услыхав, что они решили ехать ночью через Шпессарт, он очень не советовал этого, так как в настоящее время это очень опасно. «Если для вас что-нибудь значит совет честного человека, – прибавил он, – то откажитесь от этой мысли. Недалеко отсюда есть корчма. Хотя она, пожалуй, очень плоха и неудобна, но вам лучше переночевать там, чем без всякой необходимости подвергаться в такую ночь опасности». Человек, давший этот совет, имел очень порядочный и честный вид, и графиня, боясь нападения разбойников, приказала ехать к этой корчме.

Слуга считал своим долгом известить дам насчет опасности, которой они подвергались. Отправившись в другую комнату, он вскоре затем отворил дверь, которая вела из комнаты графини к студенту. Графиня, женщина лет сорока, бледная от страха, вошла к студенту, прося его повторить все еще раз. Потом, посоветовавшись, что им делать в этом сомнительном положении, они решили послать, насколько можно осторожнее, за двумя слугами, за извозчиком и ремесленниками, чтобы в случае нападения защищаться по крайней мере общими силами.

Когда это было сделано, дверь из коридора в комнату графини приперли комодом и загородили стульями. Графиня со своей камеристкой сели на кровати, и двое слуг стали сторожить. А прежние приезжие и выездной лакей сели за стол в

комнате студента и решили дожидаться опасности. Было около десяти часов, в доме все стало тихо и спокойно, и гостям нечего было тревожиться.

Тогда механик сказал:

– Чтобы не спать, было бы самое лучшее поступать так же, как и раньше. Мы поочередно рассказывали какие-нибудь известные нам истории, и если слуга графини ничего не будет иметь против, то мы могли бы продолжать дальше.

Но тот не только не имел ничего против, но, чтобы показать свою готовность, сам предложил рассказать что-нибудь.

Он начал так...

Часть вторая

Когда в понедельник утром Петер пришел на свой стекольный завод, там были не одни только рабочие, но и другие лица, которых встречают не особенно охотно, а именно пристав и три судебных служителя. Пристав пожелал Петеру доброго утра и спросил его, как ему спалось, а затем достал длинный список, в котором были обозначены кредиторы Петера.

– Можете вы заплатить или нет? – спросил он, строго глядя на Петера. – Только, пожалуйста, поскорее, а то я не могу тратить много времени – до города добрых три часа.

Петер ответил отказом, сознавшись, что ничего больше не имеет, и предоставил приставу описывать имущество, движимое и недвижимое, завод, конюшни, экипажи и лошадей. В то время как служители и пристав обходили, осматривали и делали опись, Петер думал о том, что до еловой рощи недалеко.

– Если мне не помог маленький, попытаю-ка я счастья у большого!

И он так быстро пустился к еловому лесу, как будто судебские преследовали его по пятам. Когда он бежал мимо того места, где в первый раз разговаривал со Стеклянным Человечком, ему показалось, что чья-то невидимая рука удерживает его. Но он рванулся и побежал дальше, до того рубежа, который он очень хорошо заметил еще раньше. Едва он крикнул, почти обессиленный: «Голландец Михель,

господин Голландец Михель!» – как пред ним предстал исполинский сплавщик со своим шестом.

– А, ты пришел? – сказал он со смехом. – Они, должно быть, хотели содрать с тебя шкуру и продать ее для твоих кредиторов? Ну, будь спокоен. Все твое горе происходит, как я уже говорил, от Стеклянного Человечка, этого отщепенца и лицемера. Если уж дарить, так надо дарить как следует, а не как этот скряга. Так пойдем, – продолжал он и повернул к лесу, – иди за мной ко мне в дом, там мы посмотрим – сторгуемся ли.

«Сторгуемся ли? – подумал Петер. – Что же он потребует от меня и что я могу продать ему? Может быть, я должен буду исполнять для него какую-нибудь службу или что он захочет?»

Они пошли сначала вверх, по крутой лесной тропинке, потом вдруг остановились у глубокого, темного и обрывистого оврага. Голландец Михель соскочил с утеса, как будто это была какая-нибудь низенькая мраморная лесенка. Но Петер чуть было не упал в обморок, потому что Михель сойдя вниз вдруг сделался ростом с колокольню и, протянув Петеру руку длиной с мачтовое дерево, ладонь которой была шириной с трактирный стол, закричал голосом, звучавшим подобно погребальному колоколу: «Садись только ко мне на руку и держись за пальцы, тогда не упадешь!»

Дрожа от страха, Петер исполнил приказание: поместился на ладони и изо всех сил ухватился за большой палец великана.

Он стал опускаться все ниже и ниже, но, несмотря на это, к его удивлению, темнее не становилось. Напротив, в овраге делалось все светлее, так что Петер не мог долго смотреть на такой свет. А Голландец Михель, по мере того как Петер спускался, делался ниже и принял свой прежний вид, когда они очутились перед домом, таким маленьким и хорошим, какие бывают у зажиточных крестьян в Шварцвальде. Комната, куда вошел Петер, ничем не отличалась от комнат других людей, разве только тем, что там никого не было. Деревянные стенные часы, огромная изразцовая печь, широкие скамейки, на полках утварь – все здесь было так же, как и везде. Михель указал Петеру место за большим столом; затем он

вышел и вскоре вернулся с кувшином вина и стаканами. Он налил, и они стали болтать. Михель говорил о людских радостях, о чужих странах, о прекрасных городах и реках, так что, в конце концов, Петер почувствовал страстное желание повидать все это и откровенно сказал об этом Голландцу.

– Если бы у тебя и было мужество и желание предпринять что-нибудь, все равно твое глупое сердце заставит тебя содрогнуться. Возьмем, например, оскорбление чести, несчастье, из-за которого рассудительный человек не должен огорчаться. Разве ты что-нибудь почувствовал в своей голове, когда тебя вчера назвали обманщиком и негодяем? Разве тебе сделалось больно в животе, когда пришел пристав, чтобы выгнать тебя из дома? Ну, скажи же, где ты почувствовал боль?

– В сердце, – сказал Петер, приложив руку к поднимавшейся от волнения груди. Ему казалось, что его сердце сейчас выскочит.

– Ты вот – не поставь мне это в вину – разбросал много сотен гульденов негодным нищим и разному сброду! Какая тебе от этого польза? Они желали тебе за это здоровья и Божьего благословения? Так, но сделался ли ты от этого здоровее? За половину этих промотанных денег ты мог бы держать врача. Благословение... да, хорошо благословение, если у тебя описывают имущество и самого выгоняют! А что заставляло тебя лезть в карман, как только какой-нибудь нищий протягивал свою изодранную шляпу? Не что иное, как твое сердце, и только твое сердце! Не язык, не руки, не ноги, а сердце. С тобой было то, как справедливо говорится, что ты слишком близко принимал все к сердцу.

– Но как можно приучиться, чтобы этого больше не было? Вот сейчас я стараюсь сдержать сердце, а все-таки оно так и бьется, и мне делается тяжело.

– Где уж тебе, бедняга, – воскликнул Михель со смехом, – что-нибудь тут сделать! Вот отдай-ка мне эту едва бьющуюся вещицу – тогда увидишь, как тебе будет хорошо!

– Вам? Сердце? – в ужасе воскликнул Петер. – Чтобы я умер на месте? Никогда!

– Да, если бы вздумал извлечь сердце из тела какой-нибудь из ваших господ хирургов, тогда, конечно, тебе пришлось бы умереть. Что же касается меня, то это другое дело! Вот, войди и убедись сам.

С этими словами он встал, отворил дверь и ввел Петера в другую комнату. Сердце Петера сжалось, когда он перешагнул порог, но он не обратил на это внимания, – так поразило его странное зрелище, представившееся ему. На нескольких деревянных полках стояли склянки, наполненные прозрачной жидкостью, и в каждой находилось по сердцу, а на склянках были приклеены ярлыки с надписями, которые Петер с любопытством стал читать.

Здесь было сердце пристава в Ф., сердце Толстого Эзехиеля, сердце Короля Танцев, сердце главного лесничего; там – шесть сердец барышников, восемь – офицеров-вербовщиков, три – биржевых маклеров; словом, это было собрание самых уважаемых сердец на двадцать часов расстояния в округности.

– Смотри! – сказал Голландец Михель. – Все они сбросили с себя жизненные тревоги и заботы. Ни одно из этих сердец уже не бьется тревожно и озабоченно, и их прежние владельцы чувствуют себя превосходно, так как выгнали из своего дома беспокойных гостей.

– Но что же все они теперь носят в груди вместо них? – спросил Петер, у которого от всего этого голова пошла кругом.

– Вот что, – отвечал Михель, вынимая из шкатулки каменное сердце.

– Как? – проговорил Петер, чувствуя, что его охватила дрожь. – Сердце из камня? Но послушай, господин Голландец Михель, от этого должно быть очень холодно в груди?

– Очень приятно и прохладно. Зачем же сердце должно быть горячим? Зимой такая теплота не принесет пользы, скорее поможет славная вишневка, чем горячее сердце. Когда везде душно и жарко, ты и представить не можешь, как прохладно с таким сердцем. Как уже сказано, с ним не почувствуешь ни тревоги, ни страха, ни этого глупого сострадания, и никакой другой печали.

– И это все, что вы можете мне дать? – сказал недовольным тоном Петер. – Я надеялся на деньги, а вы даете мне камень!

– Ну, я думаю, ста тысяч гульденов на первый раз тебе будет довольно. Если ты ловкопустишь их в оборот, то скоро можешь сделаться миллионером.

– Сто тысяч! – радостно воскликнул Петер. – Ну, не стучи же так бешено в моей груди, скоро мы разделаемся друг с другом. Хорошо, Михель! Давайте мне камень и деньги, а эту беспокойную вещь вы можете вынуть из футляра.

– Я так и думал, что ты парень рассудительный, – отвечал с приветливой улыбкой Голландец. – Пойдем-ка, выпьем еще по одной, а потом я отсчитаю тебе деньги.

Они снова засели в первой комнате за вино и пили, до тех пор пока Петера не охватил глубокий сон.

Угольщик проснулся при веселых звуках почтового рожка и увидел, что сидит в прекрасной карете и едет по какой-то широкой дороге. Выглянув из кареты, он увидел Шварцвальд, лежавший сзади, в голубой дали. Сначала он не хотел верить, что это он сам сидит в карете, так как даже одежда была на нем совсем не та, какую он носил вчера. Но потом он все так ясно припомнил, что бросил наконец думать об всем этом и воскликнул:

– Да разумеется, это я, угольщик Петер, и никто больше!

Он удивлялся сам на себя, что совсем не может чувствовать горесть, хотя теперь впервые уезжал со своей тихой родины и из лесов, где прожил столько времени. Даже думая о своей матери, оставшейся теперь без всякой помощи и в нищете, он не мог выжать из глаз ни одной слезы или хотя бы вздохнуть. Все это для него было так безразлично. «Да, правда, – сказал он через некоторое время, – слезы и вздохи, тоска по родине и грусть исходят из сердца, а мое сердце – спасибо Голландцу Михелю – холодно и из камня».

Он приложил руку к груди, но там было совершенно спокойно и ничего не шевелилось.

«Если он и относительно ста тысяч сдержал свое слово так же хорошо, как относительно сердца, то мне остается только радоваться», – сказал он и стал осматривать карету. Он нашел всякого рода платье, какое только можно было пожелать, но денег не было. Наконец, сунув руку куда-то в карман, он нашел много тысяч талеров золотом и в расписках на торговые дома во всех больших городах. «Теперь у меня есть все, что я хотел», – подумал он и, усевшись в углу кареты поудобнее, продолжал свой путь.

Два года разъезжал он по свету, глядя из своей кареты по сторонам на постройки. Остановившись где-нибудь, он смотрел только на вывеску гостиницы, а затем отправлялся по городу и осматривал выдающиеся достопримечательности. Но ничто не радовало его: ни картины, ни дома, ни музыка, ни танцы. Его сердце из камня не принимало в этом никакого участия. Глаза и уши у него были закрыты для всего прекрасного. Ему ничего больше не оставалось, кроме любви к еде, напиткам и сну. Он так и жил, без цели разъезжая по свету, принимаясь за еду, чтобы провести время, и засыпая от скуки. Впрочем, время от времени он вспоминал, что был веселее и счастливее, когда был еще беден и должен был работать, чтобы поддерживать свое существование. Тогда каждый красивый вид на долину, музыка или пение забавляли его. Тогда он по целым часам с радостью думал о простом обеде, который должна была принести к его костру мать. Когда он так размышлял о прошедшем, ему казалось совершенно непонятным, что теперь он совсем не может смеяться, тогда как раньше смеялся при самой пустяшной шутке. Когда смеялись другие, он только из вежливости искривлял рот, но его сердце не смеялось. Затем, он чувствовал, что хотя он и спокоен, однако удовлетворенным считать себя не может. Это была не тоска по родине или грусть, но пустота, скука, безотрадное существование. Все это наконец заставило его вернуться на родину.

Когда на пути от Страсбурга он увидел темный лес своей родины, когда в первый раз снова увидел сильные фигуры и приветливые, доверчивые лица шварцвальдцев, когда ухо уловило родные звуки, резкие и низкие, но в то же время приятные, он быстро ощупал свое сердце, потому что кровь стала обращаться сильнее, и подумал, что сейчас обрадуется и заплачет, но – как

только мог он быть таким глупцом! Ведь его сердце было из камня, а камни мертвы. Они не плачут и не смеются.

Прежде всего он пошел к Голландцу Михелю, который принял его с прежней приветливостью.

– Михель, – сказал Петер, – вот я много поездил и всего насмотрелся, но все это вздор, и я только скучал. Вообще говоря, ваша каменная вещица, которую я ношу в груди, предохраняет меня от многого. Я не сержусь, не огорчаюсь, но в то же время я никогда не чувствую радости, и мне кажется, что я живу как бы только наполовину. Не можете ли вы сделать это каменное сердце немного поживее? Или отдайте мне лучше мое старое сердце. Ведь в продолжение двадцати пяти лет я сжился с ним. Если оно иногда и проделывало со мной какую-нибудь глупую штуку, все же оно было добрым и веселым сердцем.

Лесной дух сурово и злобно засмеялся.

– Когда ты в одно прекрасное время умрешь, Петер Мунк, – отвечал он, – тогда оно вернется к тебе. Тогда у тебя будет опять мягкое, чувствительное сердце, и ты будешь чувствовать, что постигнет тебя – радости или страдания. Но здесь, на земле, оно уже не может быть твоим! Однако вот что, Петер. Поездил ты много, но твой образ жизни не мог принести тебе пользы. Поселись-ка теперь здесь где-нибудь в лесу, построй дом, женись, капитал пусти в оборот. Тебе недоставало только работы, поэтому ты и скучал, а еще сваливаешь все на это неповинное сердце.

Петер, видя, что Михель прав, говоря о праздности, решил сделаться более богатым. Михель и на этот раз подарил ему сто тысяч гульденов и расстался с ним, как с добрым другом.

Скоро в Шварцвальде пошла молва, что угольщик Петер, или Петер Игрок, снова появился, причем стал еще богаче, чем прежде. И теперь случилось так же, как это всегда бывает. Когда Петер дошел до нищеты, его вытолкали в трактире за дверь, а когда теперь в одно воскресенье, после обеда, он отправился туда, ему жали руки, хвалили его лошадь, расспрашивали о путешествии. А когда он снова начал играть с Толстым Эзехиелем на наличные деньги, почтение к нему стало таким же,

как и прежде. Теперь он уже не занимался производством стекла, а завел лесную торговлю, впрочем, только для вида. Главное его занятие состояло в торговле хлебом и отдаче денег под проценты. Мало-помалу половина Шварцвальда оказалась у него в долгу, но он ссужал деньги только за десять процентов, а хлеб продавал по тройной цене бедным, которые не могли заплатить тотчас же. С приставом он находился теперь в тесной дружбе, и если кто-нибудь не платил господину Петеру Мунку вовремя, то пристав приезжал со своими полицейскими, описывал движимое и недвижимое имущество, быстро распродал его и выгонял в лес отцов, матерей и детей. Сначала все это доставляло богатому Петеру некоторую неприятность, потому что задолжавшие ему бедняки толпами осаждали его двери. Мужчины умоляли о снисхождении, женщины старались чем-нибудь смягчить его каменное сердце, а дети с плачем просили кусочек хлеба. Но когда он завел несколько здоровенных псов, «кошачья музыка», как он называл это, скоро прекратилась. Лишь стоило ему свистнуть и натравить собак, все эти нищие с криком разбежались в разные стороны. Особенно много неприятностей доставляла ему одна «старуха». Это была не кто иная, как вдова Мунк, мать Петера. Когда все ее имущество было распродано, она впала в страшную нищету, но сын, вернувшись назад богачом, даже не осведомился о ней. Теперь она иногда приходила к его дому, старая, слабая, опираясь на палку. Внутри дома она не решалась войти, потому что один раз он выгнал ее вон. Как ни горько ей было жить благодарениями чужих людей, когда ее собственный сын мог устроить ей беззаботную старость, однако его холодное сердце никогда не чувствовало жалости при виде ее бледных, хорошо знакомых ему черт лица, горестных взглядов, исхудалой протянутой руки и всей ее дряхлой фигуры. Когда в субботу она стучалась в дверь, Петер ворча доставал монету, завертывал ее в бумагу и высылал со слугой. Он слышал ее дрожащий голос, благодаривший его и желавший ему всех земных благ, слышал, как она кашляя плелась от двери, но при этом думал только о том, что вот опять напрасно истратил монету.

Наконец Петеру пришло на ум жениться. Он знал, что во всем Шварцвальде любой отец охотно выдаст за него свою дочь. Тем не менее он очень затруднялся в выборе, так как хотел, чтобы все хвалили его счастье и умение в этом деле. Он повсюду ездил, везде присматривался, и ни одна из шварцвальдских девушек не

показалась ему вполне прекрасной. Наконец, пересмотрев понапрасну всех красавиц на танцевальных вечерах, он услышал, что у одного бедного дровосека есть дочь, самая красивая и добродетельная девушка во всем Шварцвальде. Она живет тихо и скромно, деятельно и прилежно ведет отцовское хозяйство и никогда не показывается на балах, даже на Троицын день или на храмовые праздники. Услыхав об этом чуде Шварцвальда, Петер решил посвататься за нее и отправился к хижине, на которую ему указали. Отец прекрасной Лизбет встретил важного господина с изумлением и изумился еще больше, услышав, что это богат Петер и что он желает сделаться его зятем. Он недолго раздумывал, полагая, что теперь его заботам и бедности пришел конец, и дал свое согласие, даже не спрашивая прекрасной Лизбет. А добрая девушка была так послушна, что без всяких возражений стала женой Петера.

Но бедной девушке стало жить не так хорошо, как она представляла себе. Она думала, что хорошо знает хозяйство, а между тем никак не могла заслужить благодарности Петера. Она чувствовала сострадание к бедным людям, и так как ее муж был богат, то не считала за грех подать бедной женщине какой-нибудь пфенниг или дать выпить старику вина. Но однажды Петер, заметив это, сказал ей грубым голосом, сердито глядя на нее:

– К чему это ты расточаешь мое добро нищим и бродягам? Разве ты принесла что-нибудь в дом, что могла бы раздаривать? При бедности твоего отца нельзя было сварить и супа, а теперь ты, как княжна, разбрасываешь деньги. Если я еще раз поймаю тебя, то тебе придется попробовать моего кулака!

Прекрасная Лизбет плакала в своей комнате от сурового нрава мужа, и ей не раз хотелось домой, чтобы жить в бедной отцовской хижине, чем быть хозяйкой у богатого, но скупого и жестокого Петера. Она, конечно, не стала бы удивляться, если бы знала, что у него сердце из камня и что оно не может никого любить. Когда она теперь сидела у двери, то всякий раз как мимо проходил какой-нибудь нищий и, снимая шляпу, начинал просить, она закрывала глаза, чтобы не видеть нужды, и крепче сжимала руку, боясь, как бы она невольно не опустилась в карман за крейцером. Дошло до того, что прекрасную Лизбет ославили во всем Шварцвальде, говоря, что она еще скупее Петера Мунка.

Однажды она сидела с прялкой около дома и напевала песенку. На этот раз она была веселее, потому что погода стояла прекрасная, а Петер уехал в поле. В это время по дороге шел старичок с большим и тяжелым мешком, и она еще издали слышала, как он кряхтел. Лизбет с участием смотрела на него, думая, что не следовало бы так тяжело обременять старого, слабого человека.

А между тем старик, кряхтя и шатаясь, подходил ближе и, поравнявшись с Лизбет, чуть было не свалился под тяжестью мешка.

– Ах, сжальтесь, барыня, дайте мне один глоток воды! – сказал он. – Я не могу идти дальше, я умираю от изнеможения!

– Вам не следовало бы в ваши годы носить такие тяжести, – сказала Лизбет.

– Да, если бы мне не приходилось зарабатывать себе пропитание, – отвечал он. – Ведь такой богатой женщине, как вы, даже неизвестно, как тяжела бедность и как приятен в такую жару глоток свежей воды.

Услышав это, Лизбет побежала в дом, достала с полки кружку и налила в нее воды. Нр, вернувшись назад, она, не дойдя до старика несколько шагов, увидела, каким несчастным и изнеможенным он сидит на мешке, и почувствовала к нему глубокое сострадание. Вспомнив, что мужа нет дома, она поставила кружку с водой в сторону, взяла рюмку и наполнила ее вином, а потом отрезала большой ломоть ржаного хлеба и вынесла все это старику.

– Вот вам! Глоток вина принесет вам больше пользы, чем вода, так как вы очень стары, – сказала она. – Только пейте не торопясь и кушайте хлеб.

Старик с изумлением взглянул на нее, и в его глазах заблестали крупные слезы. Он выпил и сказал:

– Я уже состарился, но видел не много людей, которые были бы так сострадательны и умели бы так сердечно творить свои благодеяния, как вы, госпожа Лизбет. Но за это вам воздастся и на земле. Такое сердце не может остаться без награды!

– И эту награду она получит сейчас же! – раздался чей-то ужасный голос.

Когда они оглянулись, то увидели, что это был Петер Мунк с красным как кровь лицом.

– Ты даже разливаешь мое лучшее вино для нищих и подносишь мою рюмку к губам бродяги? Так-то! Так вот тебе в награду!

Лизбет упала к его ногам, умоляя простить ее, но каменное сердце не знает сострадания. Петер перевернул плетень, которая была у него в руке, и рукояткой из черного дерева так сильно ударил Лизбет в прекрасный лоб, что она упала бездыханной на руки старика.

При виде этого у Петера явилось как бы раскаяние в своем поступке. Он нагнулся, чтобы взглянуть, жива ли она еще, но в это время старичок проговорил хорошо знакомым голосом:

– Не трудись, угольщик Петер! Это был самый прекрасный и дивный цветок в Шварцвальде, но ты растоптал его, и он никогда уж больше не будет цвести!

Вся кровь отхлынула от лица Петера, и он сказал:

– Так это вы, господин хозяин сокровищ? Ну, что случилось, того не вернешь! Видно, так и должно было быть. Надеюсь все-таки, что вы не донесете на меня в суд, как на убийцу?

– Несчастный! – отвечал Стекланный Человечек. – Какая мне польза в том, что я предаю твою смертную оболочку на виселицу? Не земного суда тебе следует страшиться, но другого и более строгого, потому что ты продал свою душу дьяволу!

– Если я и продал свое сердце, – закричал Петер, – то в этом виноват только ты и твои обманчивые сокровища! Ты, злой дух, довел меня до гибели, ты заставил меня искать помощи у другого, на тебе и лежит вся ответственность!

Но едва только он произнес это, как Стекланный Человечек стал расти и увеличиваться и сделался громадным в вышину и ширину. Его глаза сделались суповую тарелку, а рот стал похож на раскаленную печь для хлебов, и из него вылетало пламя. Петер бросился на колени. Ему не помогло и его каменное

сердце, потому что он дрожал как осиновый лист. Как коршун когтями, лесной дух схватил его за шиворот, завертел, словно вихрь сухие листья, и бросил на землю, так что у Петера все ребра затрещали.

– Ты – червь земной! – воскликнул дух голосом, прокатившимся как гром. – Я мог бы раздавить тебя, если бы захотел, потому что ты посягнул на властелина леса. Но ради этой мертвой женщины, которая напоила и накормила меня, я даю тебе восемь дней сроку. Если ты не вернешься к доброй жизни, я приду и размозжу твои кости, и ты в грехах оставишь этот мир!

Уже наступил вечер, когда несколько человек, проходя мимо, увидели, что богач Петер Мунк лежит на земле. Они стали поворачивать его во все стороны, стараясь узнать, дышит ли еще он, но долгое время их попытки были тщетны. Наконец один пошел в дом, принес воды и sprysнул его. Тогда Петер испустил глубокий вздох, открыл глаза и долго смотрел вокруг себя, а потом спросил о Лизбет, но ее никто не видал. Поблагодарив за помощь, он поплелся домой и стал везде осматривать, но Лизбет не было ни в погребе, ни на чердаке, и то, что Петер считал страшным сновидением, оказалось горькой действительностью. Теперь, когда он был совершенно один, ему стали приходить в голову странные мысли. Он ничего не боялся, потому что его сердце было холодно. Но когда он думал о смерти своей жены, у него являлась мысль о собственной кончине и о том, сколько грехов унесет он с собой, сколько тысяч проклятий и горьких слез бедняков, которые не могли смягчить его сердца, сколько горестей несчастных людей, на которых он натравлял своих псов, вместе с безмолвным отчаянием своей матери и кровью прекрасной и доброй Лизбет. А какой отчет он может дать старику, ее отцу, когда тот придет и спросит: «Где моя дочь, твоя жена?» Как он сможет ответить на вопрос Того, кому принадлежат все леса и моря, все горы и жизнь человеческая?

Он мучился даже ночью во сне. Каждую минуту он просыпался от какого-то нежного голоса, который зывал к нему: «Петер, достань себе сердце потеплее!» Но проснувшись, он опять быстро закрывал глаза, потому что по голосу это была Лизбет, зывавшая к нему с этим предостережением.

На другой день, чтобы разогнать свои мысли, он отправился в харчевню и застал там Толстого Эзехиеля. Петер подсел к нему, и они стали разговаривать о том, о

другом, о погоде, о войне, о податях, наконец о смерти и о том, как некоторые внезапно умирали. Петер спросил Эзекиеля, что он думает о смерти и что будет с человеком после смерти. Эзекиель отвечал, что тело похоронят, а душа попадет или на небо, или в ад.

– Так и сердце похоронят? – спросил с напряженным вниманием Петер.

– Конечно, и его похоронят.

– Ну а у кого нет сердца? – продолжал Петер. При этих словах Эзекиель посмотрел на него страшным взглядом.

– Что ты хочешь сказать этим? Ты, кажется, смеешься надо мной. Или ты думаешь, что у меня нет сердца?

– О, сердце есть, но твердое как камень, – возразил Петер.

Эзекиель удивленно взглянул на него, потом осмотрелся, не слушает ли их кто-нибудь, и тогда негромко сказал:

– Откуда ты это знаешь? Или и твое сердце уже не бьется?

– Да, оно уже не бьется, по крайней мере в моей груди! – отвечал Петер Мунк. – Но скажи мне, так как теперь ты знаешь, о чем я думаю, что будет с нашими сердцами?

– Да что это тебя огорчает, товарищ? – спросил смеясь Эзекиель. – Живешь ты на земле привольно, и достаточно этого. Вот то-то и хорошо в наших холодных сердцах, что при таких мыслях мы не чувствуем никакого страха.

– Пусть так, но все же думаешь об этом, и хотя теперь я не чувствую никакого страха, но все-таки отлично знаю, как сильно боялся ада, когда был еще маленьким, невинным мальчиком.

– Ну, едва ли с нами там хорошо обойдутся, – сказал Эзекиель. – Я как-то спрашивал об этом у одного школьного учителя, и он сказал мне, что после смерти сердца взвешиваются, чтобы узнать, насколько они обременены грехами. Легкие

сердца поднимаются вверх, а тяжелые падают вниз. Я думаю, наши камни имеют порядочный вес.

– Конечно, – сказал Петер, – и мне часто делается неприятно, что мое сердце остается таким безучастным и равнодушным, когда я думаю о подобных вещах.

На этом они и покончили. Но на следующую ночь Петер раз пять или шесть слышал, как знакомый голос шептал ему на ухо: «Петер, достань себе сердце потеплее!» Он не чувствовал никакого раскаяния в том, что убил жену, но говоря прислуге, что она уехала, постоянно думал: «Куда же она могла исчезнуть?» Так он провел шесть дней, постоянно слыша по ночам голоса и все время думая о лесном духе и его страшной угрозе. На седьмое утро он вскочил с постели и воскликнул: «Ну хорошо! Посмотрим, могу ли я достать себе сердце потеплее! Ведь этот бесчувственный камень в моей груди делает жизнь скучной и пустой». Он быстро надел свой праздничный костюм, сел на лошадь и поехал в еловую рощу.

В еловой роще, в том месте, где деревья стояли чаще, он слез, привязал лошадь и быстрыми шагами отправился на вершину холма. Став там перед толстой елью, он произнес свое заклинание.

Тогда вышел Стекланный Человечек, но уже не приветливый и ласковый, как прежде, а мрачный и печальный. На нем был сюртучок из черного стекла, а на шляпе развевался длинный траурный флер, и Петер хорошо знал, по кому этот траур.

– Чего ты хочешь от меня, Петер Мунк? – глухим голосом спросил он.

– У меня есть еще одно желание, господин хозяин сокровищ, – отвечал Петер, опустив глаза.

– Могут ли желать каменные сердца? – сказал тот. – У тебя есть все, что нужно для твоих дурных помыслов, и я едва ли исполню твое желание.

– Но ведь вы обещали мне исполнить три желания, одно я еще имею в запасе.

– Но я могу отвергнуть его, если оно глупо, – продолжал лесной дух. – Однако послушаем, чего ты хочешь.

– Выньте у меня этот мертвый камень и дайте мне мое живое сердце, – сказал Петер.

– Разве я заключил с тобой эту сделку? – спросил Стеклянный Человечек. – Разве я Голландец Михель, раздающий богатства и холодные сердца? Иди к нему искать свое сердце!

– Увы, он никогда не отдаст мне его, – отвечал Петер.

– Мне жаль тебя, хотя ты и был негодным человеком, – сказал лесной дух после некоторого размышления. – Но так как твое желание не глупо, то я, во всяком случае, не откажу тебе в своей помощи. Так слушай. Силой тебе не завладеть своим сердцем, а скорее хитростью, и, быть может, даже без особенного труда. Ведь Михель всегда только и был глупым Михелем, хотя он и считает себя необыкновенно умным. Так вот, ступай прямо к нему и сделай так, как я тебя научу.

И он научил Петера всему и дал ему крестик из чистого стекла.

– В жизни он тебе повредить не может и отпустит тебя, если ты будешь держать перед собой крестик и при этом читать молитву. А затем, получив то, что желаешь, приходи опять ко мне на это место.

Петер Мунк взял крестик, хорошо запомнил все сказанное и отправился к жилищу Голландца Михеля. Он трижды прокричал его имя, и великан тотчас предстал пред ним.

– Ты убил свою жену? – спросил он со страшным смехом. – Так ей и надо, чтобы она не расточала твоего имущества на нищих. Но тебе придется на некоторое время уехать из этой страны, потому что, если ее не найдут, это наделает шума. Тебе, конечно, нужны деньги и ты пришел за ними?

– Ты угадал, – отвечал Петер, – но только на этот раз очень много, так как до Америки далеко.

Михель пошел вперед и повел Петера в свой дом. Там он отпер один ящик, где было множество денег, и достал оттуда целый сверток золота. В то время как он отсчитывал на столе деньги, Петер сказал:

– Однако ты ловкая птица, Михель, и ловко надул меня, будто у меня в груди камень, а мое сердце у тебя!

– А разве это не так? – спросил с изумлением Михель. – Неужели ты чувствуешь свое сердце? Разве оно не холодно как лед? Разве ты ощущаешь страх или печаль, разве ты можешь в чем-нибудь раскаиваться?

– Ты заставил мое сердце только остановиться, но оно, как и прежде, все еще в моей груди, точно так же как у Эзекиеля, который сказал мне, что ты нас надул. К тому же ты не такой человек, который мог бы так незаметно и без вреда вырвать из груди сердце. Ведь ты должен был бы уметь колдовать.

– Но я уверяю тебя, – раздраженно воскликнул Михель, – что и у тебя, и у Эзекиеля, и у всех богатых людей, обращавшихся ко мне, такие же холодные сердца, как твое, а их настоящие сердца у меня здесь, в этой комнате!

– И как это у тебя язык поворачивается лгать! – засмеялся Петер. – Ты говори это кому-нибудь другому. Неужели ты думаешь, что во время своих путешествий я не видал десятки таких фокусов? Здесь, в этой комнате, все твои сердца слеплены из обычного воска. Что ты богат – с этим я согласен, но колдовать ты не можешь!

Тогда великан рассвирепел и распахнул дверь в соседнюю комнату.

– Войди сюда и читай все ярлыки, а вот там, гляди, сердце Петера Мунка! Видишь, как оно вздрагивает? Разве из воска можно сделать так?

– А все-таки оно из воска, – отвечал Петер. – Настоящее сердце так не бьется, а мое сердце все еще у меня в груди. Нет, колдовать ты не можешь!

– Но я тебе докажу это! – воскликнул раздосадованный Михель. – Ты сам почувствуешь, что это твое сердце!

Он распахнул камзол Петера и, вынув из его груди камень, показал его. Затем он взял настоящее сердце, подул на него и осторожно вложил его на место. Петер тотчас же почувствовал, как оно бьется, и опять был рад этому.

– Ну, что теперь? – спросил с улыбкой Михель.

– В самом деле, ты ведь прав, – отвечал Петер, осторожно вынимая из кармана крестик. – Я бы ни за что не поверил, что можно делать подобные вещи.

– То-то! Теперь ты видишь, что я могу колдовать! Но подойди, теперь я опять вложу тебе камень.

– Потихе, господин Михель! – воскликнул Петер, отступая назад и держа перед собой крестик. – На сало ловят только мышей, и на этот раз ты остался в дураках!

В то же время Петер начал читать молитвы, какие только приходили ему на память.

Тогда Михель стал делаться все меньше и меньше, потом упал и начал извиваться во все стороны, как червь. Он охал и стонал, и все сердца в комнате забились и застучали, как часы в мастерской часовщика. Петер испугался и, почувствовав ужас, пустился бежать из комнаты и из дома. От страха он взобрался на гору, хотя она была чрезвычайно крута. Ему было слышно, как Михель, вскочив с пола, поднял топот и шум и посылал ему вслед ужасные проклятия. Но Петер был уже наверху и бежал к еловой роще. Поднялась страшная буря, молнии, расщепляя деревья, падали направо и налево, но он благополучно добрался до владений Стеклянного Человечка.

Его сердце радостно билось, и именно потому, что оно стало биться. Но потом он с ужасом оглянулся на свою прежнюю жизнь, которая походила на эту бурю, валившую позади его прекрасные деревья направо и налево. Он вспомнил свою Лизбет, прекрасную и добрую женщину, которую он убил от скупости, и самому себе показался извергом рода человеческого. Горько плача он приблизился к холму Стеклянного Человечка. Хозяин сокровищ сидел под елью и курил из своей маленькой трубки, но вид у него был веселее, чем прежде.

– Чего ты плачешь, угольщик Петер? – спросил он. – Или ты не получил обратно своего сердца? Или холодное сердце все еще лежит в твоей груди?

– Ах, господин! – вздохнул Петер. – Если бы у меня было еще холодное каменное сердце, я не мог бы плакать и мои глаза были бы так же сухи, как земля в июле. А теперь мое старое сердце разрывается на части при мысли о том, что я сделал!.. Я доводил до нищеты своих должников, я натравлял собак на бедняков и больных, я... ведь вы сами видели, как моя плеть била ее по прекрасному лбу!

– Ты был великим грешником, Петер, – сказал Стеклянный Человечек. – Тебя погубили деньги и праздность. А когда твое сердце сделалось каменным, оно уже не знало ни радости, ни горя, ни раскаяния, ни сострадания. Но раскаяние очистит тебя, и если бы только я знал, что ты в самом деле сожалеешь о прежней жизни, то мог бы еще кое-что сделать для тебя.

– Мне ничего не надо, – отвечал Петер, печально поникнув головой. – Все кончено. Жизнь больше ничем не обрадует меня. Что мне, одинокому, делать на свете? Мать никогда не простит мне то, что я сделал ей, а может быть, я уже свел ее в могилу. А Лизбет, жена моя!.. Лучше убейте меня, господин Стеклянный Человечек! По крайней мере тогда моя жалкая жизнь окончится разом!

– Хорошо, – отвечал Человечек, – если ты ничего больше не хочешь, то получай хоть это. Топор у меня под руками.

Он совершенно спокойно вынул изо рта свою трубочку, выколотил ее и спрятал. Потом он медленно поднялся и пошел за ель. А Петер с плачем сел на траву. Жизнь ничего больше не представляла для него, и он терпеливо дожидался смертельного удара. Через некоторое время он услышал сзади себя тихие шаги и подумал: «Вот он и идет».

– Оглянись еще раз, Петер Мунк! – воскликнул Человечек.

Петер утер с глаз слезы, оглянулся и вдруг увидел свою мать и жену Лизбет, которые ласково смотрели на него. Тогда он радостно вскочил с земли.

– Так ты не умерла, Лизбет? И вы тоже здесь, матушка, и простили меня?

– Да, они простят тебя, – сказал Стекланный Человечек, – потому что ты искренно раскаиваешься, и все будет позабыто. Теперь ступай домой, в хижину своего отца, и будь угольщиком, как и прежде. Если ты будешь прямодушен и честен, то будешь уважать и свое ремесло, а твои соседи будут любить и уважать тебя, как если бы ты имел десять бочек золота.

Так сказал Петеру Стекланный Человечек, а затем простился с ними.

Все трое, призывая на него хвалу и благословение, пошли домой.

Великолепного дома богача Петера уже не было. Молния ударила в него и спалила его вместе со всем богатством. Но до отцовского дома было недалеко. Их путь лежал теперь туда, и огромная потеря их совсем не печалила.

Но как они изумились, когда подошли к хижине! Она превратилась в чудесный крестьянский дом. Все было в нем просто, но хорошо и чисто.

– Это сделал добрый Стекланный Человечек! – воскликнул Петер.

– Как хорошо! – сказала Лизбет. – И здесь мне гораздо приятнее, чем в большом доме с множеством прислуги!

С этого времени Петер Мунк сделался прилежным и честным человеком. Он был доволен тем, что у него было, неутомимо занимался своим ремеслом и достиг того, что своими собственными силами сделался зажиточным, уважаемым и любимым во всем Шварцвальде. Он никогда больше не ссорился с Лизбет, почитал свою мать и подавал бедным, которые стучались в его дверь.

Когда через год у Лизбет родился красивый мальчик, Петер пошел в еловую рощу и произнес свое заклинание. Но Стекланный Человечек не показывался.

– Господин хозяин сокровищ! – громко крикнул Петер. – Выслушайте же меня! Ведь я ничего не хочу, кроме того, чтобы попросить вас в крестные отцы к моему сынку!

Но дух не дал ответа. Только порыв ветра быстро пронесся между елей и сбросил на траву несколько еловых шишек.

– Так я возьму на память это, если вы не хотите позволить видеть вас! – крикнул Петер, сунул шишки в карман и пошел домой.

Но когда он дома снял свой праздничный камзол, а его мать, желая положить одежду в сундук, стала выворачивать карманы, из них выпали четыре порядочных свертка. Когда их развернули, в них оказались настоящие новые баденские талеры, и ни одного фальшивого! Это был крестинный подарок маленькому Петеру от Стеклянного Человечка из еловой рощи.

Они зажили тихо и мирно, и еще впоследствии, когда у Петера Мунка волосы уже совсем поседели, он часто говорил:

– Лучше быть довольным немногим, чем иметь золото и холодное сердце!

Прошло уже около пяти дней, а Феликс, слуга графини и студент все еще были в плену у разбойников. Хотя предводитель и его подчиненные обращались с ними хорошо, однако они страстно желали освобождения, потому что чем больше проходило времени, тем больше усиливались их опасения относительно открытия обмана.

На пятый день вечером слуга объявил своим товарищам по несчастью, что он решил в эту ночь вырваться отсюда, хотя бы это стоило ему жизни. Он стал склонять их к тому же решению и объяснил им, каким путем можно осуществить этот побег.

– С тем, который стоит около нас, я берусь покончить. Это нужно сделать, а «нужда закона не знает», и ему придется умереть.

– Умереть! – воскликнул пораженный Феликс. – Вы хотите убить его?

– Да, я твердо решился на это, если дело пойдет о том, чтобы спасти две человеческие жизни. Знаете, я слышал, как разбойники с озабоченными лицами шептались, что их в лесу разыскивают, а старухи в гневе выдали дурные намерения шайки. Они бранили нас и дали понять, что если на разбойников будет сделано нападение, то нас убьют без всякого милосердия.

– Небесный Боже! – воскликнул в ужасе юноша, закрывая лицо руками.

– Пока они еще не всадили нам нож в горло, – продолжал слуга, – давайте предупредим их. Когда стемнеет, я прокрадусь к ближайшему караулу, меня окликнут, я шепотом скажу караульному, что графиня внезапно сильно захворала, и когда он оглянется, я свалю его на землю. Затем я приду за вами, молодой человек, и второй от нас тоже не уйдет. Ну а с третьим мы справимся шутя!

При этих словах слуга имел такой страшный вид, что Феликс испугался. Он хотел было уговорить его отступить от этих кровавых мыслей, как вдруг дверь хижины тихо отворилась и в нее быстро проскользнула какая-то фигура. Это был предводитель разбойников. Он опять осторожно запер дверь и сделал пленным знак оставаться спокойными. Затем, сев рядом с Феликсом, он сказал:

– Графиня! Вы находитесь в очень скверном положении. Ваш супруг не сдержал слова. Он не только не прислал выкуп, но даже заявил властям. Отряды вооруженных людей бродят по всему лесу, чтобы схватить меня и моих товарищей. Я грозил вашему супругу убить вас, если он вздумает захватить нас. Но или ваша жизнь ему не особенно дорога, или же он не верит нашим обещаниям. Ваша жизнь в наших руках и зависит от наших законов. Что вы можете сказать на это?

Смущенные пленники переглянулись, не зная, что отвечать. Феликс же отлично понимал, что если он сознается в своем переодевании, то этим подвергнет себя еще большей опасности.

– Я не могу, – продолжал начальник, – подвергать опасности женщину, которую я так глубоко уважаю. Поэтому я хочу предложить вам спастись бегством. Это единственный выход, который остается для вас. И я хочу бежать с вами.

Все посмотрели на него с крайним удивлением, а он продолжал:

– Большинство моих товарищей хотят отправиться в Италию и поступить там в одну очень большую шайку, что же касается меня, то мне совсем не нравится служить под начальством другого, и поэтому у меня с ними не может быть больше ничего общего. Если вы дадите мне слово, графиня, походатайствовать за меня и

воспользоваться своими влиятельными связями для моей защиты, то я могу освободить вас, пока это еще не слишком поздно.

Феликс смущенно молчал. Его правдивое сердце не позволяло умышленно подвергнуть человека, желающего спасти ему жизнь, опасности, от которой потом он не мог бы защитить его. Так как он все еще молчал, то предводитель продолжал:

– Теперь повсюду набирают солдат. Я буду доволен самой незначительной должностью. Я знаю, что вы можете много сделать, но я прошу только вашего обещания что-нибудь сделать для меня в этом деле.

– Хорошо, – отвечал Феликс, опустив глаза, – я обещаю вам сделать все, что только для меня возможно и что находится в моих силах, чтобы быть вам полезной. Разумеется, для меня весьма утешительно, что вы сами по доброй воле оставляете эту разбойничью жизнь.

Растроганный предводитель разбойников поцеловал у великодушной дамы руку и, шепнув ей быть готовой через два часа после наступления ночи, ушел из хижины с такой же осторожностью, как и пришел. Когда он вышел, пленники вздохнули свободнее.

– Право, это ему сам Бог вложил в сердце! – воскликнул слуга. – Вот каким удивительным образом мы спасемся! Снилось ли мне когда-нибудь, что на свете может происходить нечто подобное и что с нами будет такой странный случай?

– Конечно, это удивительно! – проговорил Феликс. – Но какое я имел право обманывать этого человека? Какую пользу могу я принести ему своей защитой? Скажите сами, не значит ли это тащить его на виселицу, если я не открою ему, кто я?

– Как вы можете быть таким мнительным, милый юноша, – возразил студент, – если вы так мастерски разыграли свою роль! Нет, об этом вы не беспокойтесь, потому что это не что иное, как дозволенная самооборона. Ведь он совершил преступление, подло напав на дороге на такую почтенную женщину с целью увести ее, и если бы вас не было, кто знает, что было бы с жизнью графини! Нет, вы

поступили совершенно правильно. Кроме того, я думаю, что в глазах суда у него будут смягчающие обстоятельства в том, что он, глава этого сброда, бежал от него по своей воле.

Это последнее соображение несколько утешило молодого ремесленника. Радостно настроенные, хотя и полные опасений за успех предприятия, они стали дожидаться назначенного часа. Было уже совершенно темно, когда начальник шайки быстро вошел в хижину и, положив узел с платьем, сказал:

– Чтобы облегчить наше бегство, графиня, вам необходимо одеться в этот мужской костюм. Готовьтесь, через час мы выступим.

С этими словами он оставил пленников, и слуга графини с трудом удержался от громкого смеха.

– Это уж второе переодевание! – воскликнул он. – Я готов поклясться, что оно для вас еще лучше, чем первое!

Они развязали узел. В нем оказался великолепный охотничий костюм, со всеми принадлежностями, который был Феликсу как раз впору. Когда Феликс переоделся, слуга хотел бросить в угол платье графини, но Феликс не дал сделать этого. Он сложил его в маленький узелок, заявив, что будет просить графиню подарить ему это платье и будет хранить его всю жизнь на память об этих удивительных днях.

Наконец пришел начальник шайки, в полном вооружении, и принес слуге графини отнятые у него ружье и пороховницу. Он дал винтовку и студенту, а Феликсу подал, охотничий нож, прося повесить его на всякий случай. К счастью для троих пленников, было очень темно, а то сверкающие взгляды Феликса, когда он схватил это оружие, могли бы открыть разбойнику его истинное положение. Когда они осторожно вышли из хижины, слуга заметил, что на этот раз около нее не было обычного караула. Таким образом, они могли незаметно прокрасться мимо хижин, но разбойник избрал не этот обычный путь по тропинке, которая вела из оврага в лес, а пошел к утесу, казавшемуся совершенно отвесным и недоступным для них.

Когда они подошли туда, разбойник обратил их внимание на веревочную лестницу, прикрепленную к утесу. Он вскинул свое ружье на спину и первым полез вверх.

Потом он крикнул графине последовать за ним и протянул ей в помощь руку. Последним полез слуга. За утесом оказалась тропинка, по которой они быстро пошли вперед.

– Эта тропинка, – сказал разбойник, – ведет на ашаффенбургскую дорогу. Туда мы и отправимся, так как я имею сведения, что ваш супруг, граф, находится в настоящее время там.

Они молча шли дальше, разбойник все время впереди, а трое остальных сзади, друг подле друга. Через три часа они остановились, и разбойник предложил Феликсу сесть и отдохнуть. Затем, вынув хлеб и флягу со старым вином, он предложил усталым путникам подкрепиться.

– Я думаю, что не пройдет и часа, как мы наткнемся на военные караулы, расставленные в лесу. В таком случае я попрошу вас поговорить с начальником отряда и похлопотать обо мне.

Феликс согласился и на это, хотя не ожидал никакого успеха от своего ходатайства. Отдохнув еще с полчаса, они пустились дальше. Когда прошли еще около часа и подошли к большой дороге, начал заниматься день и в лесу уже стало рассветать. Вдруг их остановил крик: «Стой! Ни с места!» К ним подошли пятеро солдат и заявили им, что они обязаны следовать за ними и дать объяснение относительно своего путешествия майору, командующему отрядом. Пройдя шагов пятьдесят, они увидели, что в кустах заблестело оружие. По-видимому, лес был занят большим отрядом. Под дубом сидел майор, окруженный несколькими офицерами и другими лицами. Когда пленники были приведены к нему и он уже хотел начать допрос о том, откуда они идут и куда, один из окружавших его вскочил и воскликнул:

– Боже мой, что я вижу! Да ведь это наш Готфрид!

– Так точно, господин исправник! – весело отвечал слуга графини. – Это я, чудесным образом спасшийся из рук негодяев.

Офицеры удивились, видя его здесь. А слуга попросил майора и исправника отойти с ним в сторону и в нескольких словах рассказал им, как они спаслись и кто четвертый, последовавший за ними.

Майор, обрадованный этим известием, тотчас сделал распоряжение отправить важного пленника дальше, а молодого золотых дел мастера отвел к своим товарищам и представил им юношу, как героя, который своим мужеством и присутствием духа спас графиню. Все радостно пожимали ему руки, хвалили его и не могли вдоволь наслушаться, когда он и другие рассказывали о своих приключениях.

Между тем совсем рассвело. Майор решил лично сопровождать освобожденных в город. Он отправился с ними и управляющим графини в ближайшую деревню, где стоял его экипаж. Там Феликс должен был сесть с ним в коляску, а слуга, студент, управляющий и другие ехали спереди и сзади, и таким образом они с триумфом двинулись к городу. Как слух о нападении в корчме и самопожертвовании ремесленника разнесся по стране с быстротой молнии, точно так и теперь молва об их освобождении быстро переходила из уст в уста. Поэтому не было ничего удивительного, что в городе, куда они отправились, на улицах стояли толпы народа, желавшего взглянуть на юного героя. Когда экипаж стал медленно приближаться, все начали тесниться.

– Вот он! – кричал народ. – Смотрите, вот он в экипаже, рядом с офицером! Да здравствует храбрый золотых дел мастер! – И «ура!» тысячи голосов огласило воздух.

Феликс был сконфужен и тронут бурной радостью толпы. Но перед городской ратушей ему предстояла еще более трогательная картина. На лестнице его встретил человек средних лет, в богатой одежде, и со слезами на глазах обнял.

– Чем я могу вознаградить тебя, сын мой? – воскликнул он. – Я почти лишился бесконечно многого, но ты возвратил мне потерянное. Ты спас мне жену, а моим детям – мать! Ее нежная натура не перенесла бы ужасов такого плена!

Говоривший это был супругом графини. Чем больше Феликс отказывался назначить себе награду за свой подвиг, тем сильнее настаивал на этом граф.

Тогда юноше пришла в голову мысль о жалкой участи начальника шайки. Он рассказал, как тот спас его и что это спасение было устроено, собственно, ради графини. Граф, тронутый не столько поступком разбойника, сколько новым доказательством благородного бескорыстия, которое Феликс обнаружил своим выбором, обещал сделать все зависящее от него, чтобы спасти разбойника.

В тот же день граф, в сопровождении слуги графини, отвез юного золотых дел мастера в свой замок, где графиня, все еще озабоченная судьбой молодого человека, пожертвовавшего собой ради нее, нетерпеливо ждала вестей о нем. Кто в состоянии описать ее радость, когда граф ввел в комнату ее спасителя? Она без конца расспрашивала его и благодарила. Затем, позвав детей, она показала им великодушного юношу, которому так бесконечно была обязана их мать. Малышки ловили его руки, и нежные выражения их благодарности и их уверения, что после отца и матери они больше всех любят его, были для Феликса лучшей наградой за все огорчения, за все бессонные ночи в хижине разбойников.

Когда прошли первые минуты радостного свидания, графиня сделала знак слуге, и тот принес платье и хорошо знакомый ранец, который Феликс поручил графине в лесной харчевне.

– Здесь, – сказала графиня с благосклонной улыбкой, – все, что вы передали мне в ту ужасную минуту. Теперь все опять у вас. Только я хочу предложить вам, чтобы вы отдали мне эту одежду, которую я хотела бы сохранить на память о вас, а взамен ее взяли ту сумму денег, которую разбойники назначили для выкупа.

Феликс был поражен величиной этого дара. Его врожденное благородство не позволяло ему принять награду за то, что он совершил добровольно.

– Уважаемая графиня, – отвечал он, тронутый ее словами, – я не стою этого. Платье пусть будет ваше, согласно вашему желанию. Что же касается денег, о которых вы говорите, – я не могу принять их. Но так как я знаю, что вы желаете чем-нибудь наградить меня, то с меня достаточно одного вашего благоволения вместо всякой награды. Только позвольте мне, если я попаду в нужду, прибегнуть к вам за помощью.

Они еще долго старались уговорить юношу, но ничто не могло изменить его решения, так что наконец граф и графиня уступили. Когда слуга уже хотел унести обратно платье и ранец, Феликс вспомнил о драгоценном уборе, про который он совершенно забыл в эти радостные минуты.

– Да! – воскликнул он. – Позвольте мне только, графиня, кое-что взять из моего ранца; остальное все будет ваше!

– Распоряжайтесь как вам угодно, – отвечала графиня, – хотя я охотно сохранила бы все, но уж берите то, что не хотите оставить в наследство. Однако, смею спросить, что же это так мило вашему сердцу, чего вы не можете мне оставить?

В это время Феликс открыл свой ранец и вынул оттуда коробку из красного сафьяна.

– Все, что принадлежит мне, вы можете взять! – отвечал он с улыбкой. – Но это принадлежит моей милой крестной матери. Это я сам работал и теперь должен отнести ей. Это убор, уважаемая графиня, – продолжал он, открывая коробку и передавая ее, – это убор, над которым я пробовал свои силы.

Графиня взяла коробку. Но, бросив на нее взгляд, она в изумлении отступила назад.

– Как, эти камни? – воскликнула она. – И они предназначаются для вашей крестной, говорите вы?

– Да, – отвечал Феликс. – Крестная прислала мне камни, а я оправил их и теперь еду, чтобы самому отвезти их ей.

Графиня растроганно посмотрела на него. Слезы брызнули у нее из глаз.

– Так ты Феликс Вернер из Нюрнберга? – воскликнула она.

– Совершенно верно. Но откуда вы так скоро узнали мое имя? – спросил юноша, с удивлением смотря на нее.

– Вот поразительное предопределение судьбы! – обратилась растроганная графиня к своему изумленному мужу. – Ведь это Феликс, наш крестник, сын нашей

камеристки Сабины! Феликс! Ведь я та, к которой ты едешь! Ведь ты спас свою крестную мать, совершенно не подозревая этого!

– Как? Вы – графиня Сандау, так много сделавшая для меня и для моей матушки? Как мне благодарить благосклонную судьбу, которая так удивительно свела меня с вами! Так я имел возможность выразить вам свою признательность, хотя бы в такой незначительной степени!

– Ты сделал для меня больше, – возразила графиня, – чем я для тебя. И пока я жива, я буду стараться показать тебе, как бесконечно все мы обязаны тебе. Пусть мой муж будет тебе вместо отца, дети – братьями и сестрами, а сама я буду тебе матерью. Этот убор, который привел тебя ко мне в минуту величайшей беды, будет моим лучшим украшением, потому что он постоянно будет напоминать мне о твоём благородстве.

Так сказала графиня и сдержала свое слово. Она оказала щедрую поддержку счастливому Феликсу в его путешествии. Когда же он вернулся назад, уже искусным мастером своего дела, она купила ему в Нюрнберге дом и прекрасно обставила его. Великолепным украшением его лучшей комнаты были превосходно написанные картины, изображавшие сцены в лесной харчевне и жизнь Феликса среди разбойников.

Феликс поселился там как искусный золотых дел мастер, и слава его искусства сплелась с молвой о его удивительном героизме, привлекая к нему покупателей со всей страны. Множество иностранцев, проезжая через красивый Нюрнберг, просили вести их в мастерскую «знаменитого мастера Феликса», чтобы взглянуть и подивиться на него, а также чтобы купить у него какую-нибудь прекрасную драгоценную вещицу. Но самыми приятными для него посетителями были слуга графини, механик, студент и извозчик. Последний, проезжая из Вюрцбурга в Фюрт, всегда навещал Феликса. Слуга графини почти каждый год привозил ему подарки, а механик, обойдя все страны, поселился наконец у Феликса. Однажды посетил Феликса и студент. Теперь он сделался важным лицом в государстве, однако не стыдился поужинать у мастера и механика. Они вспоминали разные сцены из происшествия в корчме, и прежний студент рассказал, что видел в Италии

предводителя разбойничьей шайки. Он совершенно изменился к лучшему и честно служит в войсках неаполитанского короля.

Феликса очень обрадовало это известие. Хотя без этого человека он, может быть, и не попал бы в такое опасное положение, однако без него он не мог бы и освободиться из рук разбойников. Вот почему у смелого золотых дел мастера сохранились только радостные и тихие воспоминания, когда он думал о том, что произошло в шпессартской харчевне.